

Санкт-Петербургский Государственный Университет

Филологический факультет

Выпускная квалификационная работа

Прагматический аспект перевода аргументативных текстов СМИ

Выполнила: Петроченко Валерия Геннадьевна

Научный руководитель: к.ф.н. В.Ю. Голубев

Санкт-Петербург

2017

СОДЕРЖАНИЕ

	Введение	3
Глава 1.	Прагматический аспект теории аргументации	3
1.1.	Прагматика как лингвистическая дисциплина	3
1.2.	Лингвистические подходы к изучению аргументации	14
1.3.	Американский газетный аргументативный дискурс, жанры распространения мнения	23
1.4.	Прагматическая эквивалентность в переводе	27
	Выводы по главе 1	33
Глава 2.	Прагматический анализ примеров перевода американского газетного аргументативного стиля речи	33
2.1.	Обзор информационного интернет-портала переводов иностранной прессы www.inosmi.ru	34
2.2.	Анализ материалов газеты The New York Times	35
2.3.	Анализ материалов газеты The Washington Post	40
	Выводы по главе 2	46
	Заключение	47
	Список использованной литературы	49
	Приложение 1	51
	Приложение 2	54
	Приложение 3	57
	Приложение 4	61
	Приложение 5	64
	Приложение 6	68
	Приложение 7	71
	Приложение 8	75
	Приложение 9	81
	Приложение 10	84

Введение

Изучение прагматического аспекта перевода аргументативных текстов представляет собой важное, но малоисследованное направление в современной лингвистике. Аргументативный дискурс – это мощный инструмент, способный повлиять на мнение человека, побудить его к определенным действиям, дать представление о событии или ситуации под другим углом.

За последние десятилетия из-за стремительного рывка в области информационных технологий доступ к информации значительно упростился, а электронные средства массовой информации стали неотъемлемой частью современного общества. Не секрет, что каждое из таких изданий преследует конкретные цели: сформировать определенные взгляды общества на современные события. Одним из популярных журналистских жанров для достижения желаемого результата является жанр распространения мнений. С помощью этого эффективного приема, журналисты управляют общественным мнением.

На сегодняшний день в России существует немало специализированных новостных телеканалов и газет, в которых круглосуточно собирается информация со всего мира, публикуются политические, экономические, социальные новости. Огромное количество людей круглосуточно посещает эти электронные ресурсы и формируют свои взгляды, отношения к событиям,

происходящих в мире. Неправильная трактовка статей зарубежных изданий может привести к общественно-политическим конфликтам между странами.

В 2015 году в Европейском союзе была создана специальная оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям (East StratCom Task Force). Организация занимается выявлением случаев намеренной дезинформации в российских средствах массовой информации и социальных сетях по отношению к Евросоюзу. Группа состоит из 11 специалистов и около 300 журналистов-волонтеров.

В число “недобросовестных” информаторов, по мнению East StratCom Task Force, попал информационный интернет-портал www.inosmi.ru, в котором публикуются переводы статей из иностранной прессы, преимущественно о России,. В www.inosmi.ru выкладываются переводы статей с ссылкой на источник, как профессиональных переводчиков, так и переводы посетителей ресурса, квалификация которых неизвестна. Оперативная рабочая группа сделала заключение, что на информационном портале число статей с положительным отношением к России и с отрицательным к Евросоюзу значительно превосходят по числу те, в которых политика “Запада” описывается положительно, а действия России имеет негативную окраску.

Информационный портал www.inosmi.ru предоставляет большое количество материала для анализа прагматического аспекта перевода. Прагматическая цель любого аргументативного текста – убеждение, навязывание человеку задуманных аргументатором мнений, взглядов. Зачастую аудитория не подозревает о каком-либо влиянии на свое мнение, поскольку четко выстроенная логическая структура позволяет им сделать выводы самостоятельно. Газетный аргументативный дискурс, ко всему прочему, содержит в себе разнообразные средства речевой выразительности, клишированные и устойчивые выражения, журналистские штампы, термины, отражающие реалии общественной, культурной, политической жизни страны.

Таким образом, при переводе газетных аргументативных статей представляется большая сложность в передаче социального, историко-

культурного контекста, при сохранении прагматического соответствия оригиналу.

Цель исследования состоит в выявлении прагматических особенностей аргументативных текстов СМИ при переводе. Для этого необходимо выполнить следующие **задачи**:

1. изучить теоретические работы, посвященные изучению прагматики как лингвистической дисциплины;
2. рассмотреть существующие подходы к изучению аргументации;
3. выяснить особенности газетного аргументативного дискурса на английском языке;
4. выявить прагматическую эквивалентность в переводе;
5. произвести сравнительный анализ материалов газетных статей на английском языке с их переводом на русский.

В качестве **источника материала** для анализа использовался информационный-интернет портал переводов иностранной прессы www.inosmi.ru, из которого были отобраны переводы аргументативных газетных статей двух американских изданий: The New York Times и The Washington Post.

Структура работы выстроена таким образом, чтобы поэтапно выполнять поставленные задачи. Дипломная работа состоит из Введения, в котором определяется ее цель и задачи; Главы 1, где собраны необходимые для исследования теоретические основы; Главы 2, где приводится сравнительный анализ перевода аргументативного текста с его оригиналом; Заключение; Списка литературы; и Списка источников.

Глава 1. Прагматический аспект теории аргументации

1. Прагматика как лингвистическая дисциплина

С древних времен людей интересует такой феномен человеческой деятельности как речь; существуют и по сей день дисциплины, являющиеся наследием предков, такие как языкознание (В. фон Гумбольдт, М.В. Ломоносов, Ф.И. Буслаев, Ф. де Соссюр, А.А. Потебня, Л.В. Щерба); риторика (Аристотель, Горгий, Цицерон); логика — наука о формах правильного мышления (Парменид, Сократ, Платон); поэтика, теория словесности, теория сценической речи. Однако в начале XX столетия в мире сложилась определенная социально-политическая обстановка, которая позволила развить в обществе такие идеи как демократия, свобода личности, равенство людей. Простой народ перестал преклоняться перед начальством, поскольку законы, политические партии, профсоюзы встали на их защиту; права людей стали важной стороной общественной жизни развитых государств. В нынешних условиях широкий круг лиц, не равных друг другу по уровню образования, культуры и т.д. (даже детей), но требующих равного отношения, стало необходимо убеждать. Вполне естественно встал вопрос о создании науки, которая показала бы как убеждать равному равному (Стернин, 2012).

Великие изобретения, открытия и научные теории XX века (психоанализ, авиация, телевидение, мобильная связь, интернет) коренным образом изменили уклад жизни и мировосприятие людей, а также дали мощный толчок к развитию новых направлений в изучение речевой деятельности человека таких, как психолингвистика, социоллингвистика, теория коммуникации и массовой коммуникации, исследования речевого развития человека, формирования языковой личности, теория билингвизма, лингвистика текста и т.д. Появились исследования разговорной речи, статистика языка и речи, семиотика, компьютерные языки; возникла фонология, что способствовало пониманию механизмов кодовых переходов во внутренней речи. Лингвистика переступила

границы предложения, занявшись исследованиями текста, его компонентов, их внутренними связями и моделями (Львов, 2000: 20).

Среди перспективных областей исследования речи оказалась лингвистическая прагматика, которая рассматривает речевую деятельность с точки зрения выявления взаимозависимостей между использованием языковых единиц и целеустановками говорящих. Предметом исследования прагмалингвистики является оптимальный выбор и использование языковых средств из имеющейся базы знаний для наилучшего выражения своего намерения и эффективного воздействия на адресата при конкретных обстоятельствах речевого общения (Тарасова, 1990: 5).

Прагматика, по мнению Н. Д. Арутюновой (Арутюнова, 1985: 5), исследует разнообразный список проблем функционирования языка:

- а) его коммуникативное употребление в целом;
- б) коммуникативное воздействие языка на аудиторию в определенных целях;
- в) способы и условия достижения этих целей;
- г) понимания и интерпретации высказывания;
- д) исследование имплицитного в тексте (скрытых семантических признаков, подтекста) и т. д.

Впервые в науке термин “прагматика” (от греч. *pragma* — дело, действие) появился для обозначения философского направления, которое основывается на практике как критерии истины и смысловой значимости (БЭС, 2000). Прагматическая максима (правило), сформулированная американским философом Чарльзом Пирсом (Пирс, 2000: 122), гласит о том, что все наши представления об объекте есть не что иное, как ожидаемые практические последствия, которые может проявить данный объект. Другими словами, понимание или представление окружающего мира для человека складывается из ожиданий того, что человек может от него получить. Этот принцип Пирс применил к теории знака, отметив важность учета фактора субъекта

практической и коммуникативной деятельности. Он представляет знак как трехчленное отношение (Пирс, 2000: 48):

1. знак (репрезентант), определяемый как некое знаковое средство, величина, имеющая физическую природу и способная что-либо замещать;
2. интерпретанта первого знака, возникающая в сознании интерпретатора после восприятия знака;
3. объект, представляемый знаком.

Знака не существует самого по себе; вне деятельности субъекта, он возникает в процессе семиозиса, порождения значения или интерпритации. Это воздействие на интерпритатора и называется интерпретантой.

Интерпретанты, как отмечает Ч. Пирс (Сусов, 2009: 18), проявляют следующие свойства:

- вызывают определённые эмоции (эмоциональные, или непосредственные интерпретанты),
- порождают какое-либо действие (энергетические, или динамические интерпретанты) и
- влияют на ход мыслей или поведение (логические, нормальные, или финальные интерпретанты).

Интерпританту Пирс также называл значением и отводил такое же место, какое в логико-философских и лингвистических традиция отводится смыслу (Г. Фреге (Фреге, 1978)), означаемому (Ф. де Соссюр (Соссюр, 1999)). Интерпретанта трактуется как динамический, деятельностный фактор, а не как предметная соотнесенность, и выступает в качестве доминанты семиотического процесса.

В семиотике, согласно Ч. Моррису (Булыгина, Шмелев, 1997: 245), выделяются три раздела:

1. **синтактика** (синтаксис) изучает отношения знаков друг к другу (в рамках одной знаковой системы);

2.семантика изучает отношения знаков (сигнификат) к их объектам (денотат);

3.прагматика изучает отношения знаков к их интерпретаторам.

Представитель логического позитивизма Рудольф Карнап (Карнап, 1959) ввёл в описание структуры семиотики принцип иерархии её частей. Семиотика рассматривается как совокупность связанных конъюнкцией трёх видов отношений. Семантика включает в себя синтактику, прагматика включает в себя семантику, содержащую в себе синтактику.

Прагматика как лингвистическая дисциплина изучает условия, в которых используется язык во время актов речевого общения (Богданов, 1996). Условия включают в себя коммуникативные цели собеседников, время и место речевого акта, уровень знаний коммуникантов, их социальные статусы, психологические и биологические особенности, правила и конвенции речевого поведения, принятые в том или ином обществе. Эти условия подразделяются на:

- контекст (лингвистические условия);
- конситуацию (экстралингвистические условия);
- коэмперию (уровень лингвистических и экстралингвистических знаний коммуникантов).

Довольно часто все три условия называют единым термином “контекст”. Прагматика должна учитывать то влияние, которое оказывает такой контекст на используемые в процессе общения семиотические средства. В процессе речевого общения коммуниканты используют те или иные правила и нормы, а также другие знаковые системы, включая паралингвистические (тембр, темп, громкость речи; мимика, жесты, поза говорящего; особенности почерка, графические дополнения к буквам и т.д.) (Сусов, 2009).

Существуют два направления прагматики:

1. Учение о речевых актах.

Речевой акт рассматривается как минимальный самостоятельный отрезок речевой деятельности (коммуникации), совершаемый субъектом по отношению

к адресату в определенных условиях с определенным намерением. Поскольку речевой акт – это вид действия, то при его анализе используются такие же категории, какие необходимы для характеристики и оценки любого действия: субъект, цель, способ, инструмент, средство, результат, условия, успешность и т.п. Говорящий производит высказывание, ориентированное на его восприятие адресатом (субъектом). Высказывание при этом выступает и как продукт речевого акта, и как инструмент воздействия для достижения намеченной цели. В зависимости от обстоятельств и условий, при которых происходит речевой акт, адресант может достигнуть поставленной цели, тогда речевой акт признается как успешный. В противном случае говорящего постигает коммуникативная неудача или коммуникативный провал (Шаикова, 2007).

Дж. Остин рассматривает речевой акт как сложное явление, в котором выделяет три уровня или аспекта анализа речи:

- локуция (когнитивное содержание сообщения),
- иллокуция (установка на определенную ответную реакцию адресата),
- перлокуция (проявляется как эффект воздействия на адресата).

Локутивный аспект речевого акта (локуция, от лат. *locutio* ‘говорение’) исследуется непосредственно как акт произнесения высказывания с помощью языковых средств; включает в себя произнесение звуков, употребление слов и связывание их по правилам грамматики, обозначение с их помощью тех или иных объектов и приписывание этим объектам определенных свойств и характеристик.

Речевой акт, рассматриваемый с точки зрения вне языковой цели, выступает как иллокутивный акт (иллокуция, лат. *Il* ‘в, внутри’). Это прагматический компонент смысла высказывания, отражающий коммуникативную цель говорящего. Выделяют следующие типы иллокутивных актов: константив (утверждение); промисив (обещание); менасив (угроза); перформатив (провозглашает совершаемое в момент речи действие); деректив (побуждает адресата к действию) (Макаров, 2003: 90).

Речевой акт, рассмотренный с точки зрения его реальных последствий, определяется как перлокутивный акт. Посредством говорения, человек достигает определенных результатов, производя те или иные изменения в окружающей действительности, прежде всего в сознании своего собеседника, причем полученный результат речевого действия может и не совпадать с изначальным намерением говорящего (Austin, 1962: 22).

2. Учение о правилах и конвенциях речевого общения.

Речевое общение всегда ведется для достижения какой-то цели, и чтобы ее достичь, необходимо его определенным образом организовать. Эта организация регулируется разными правилами. Ниже перечислены наиболее важные из них:

- правила организации речевого взаимодействия;
- правила организации дискурса;
- правила организации информационного обмена;
- правила учета статусных ролей коммуникантов в общении.

Максимально ярко *правила организации речевого взаимодействия* проявляются в диалоге (Богданов, 1996). В формальном отношении диалог – это скоординированная последовательность реплик двух сторон. Ни одна из сторон не может полностью монополизировать речевую деятельность, иначе общая задача может остаться нерешенной. Однако доля вербального участия каждой из сторон в общении может быть различной и зависит от информационного дисбаланса сторон.

Правила организации дискурса относятся в наибольшей степени к монологической речи и тексту. Прежде всего, они должны быть цельными и связными. Дж. Лич описал следующие принципы организации текста:

- принцип перерабатываемости заключается в расстановке высказываний в тексте согласно тема-рематической структуре, которая облегчает их декодирование;
- принцип ясности исключает неоднозначность и не допускает линейные разрывы семантически связанных компонентов;

- принцип экономии призывает выбирать минимальный объем текста, при котором ясность не утрачивается;
- принцип выразительности обеспечивает реализацию эстетических особенностей текста.

Принципы могут конкурировать друг с другом, в таком случае предпочтение получит тот принцип, соблюдение которого наиболее уместно в данном контексте. Например, чрезмерная экономия может нарушить принцип ясности, а стремление соблюдать принцип выразительности противоречит принципу экономии.

К правилам, контролирующим организацию дискурса, можно отнести так же:

- правила формальной и содержательной связности отдельных предложений в рамках абзаца или сверхфразового единства (правила когезии и когеренции);
- правила объединения абзацев в связный текст.

Правила организации информационного обмена отражаются в принципе кооперации (максимы Грайса) и принципах вежливости и интереса Дж. Лича.

Принцип **кооперации** состоит из нескольких максим (правил):

- максима качества – высказывание должно быть истинным (правдивым), не говорить того, чему недостаточно свидетельств;
- максима релевантности (отношения) – не отклоняться от темы;
- максима количества – не говорить больше, чем требуется;
- максима способа – выражаться ясно, избегать двусмысленности и неопределенности, говорить коротко и упорядоченно (Грайс, 1985: 222).

Принцип **вежливости** включает в себя следующие правила:

- максима великодушия – успешный коммуникативный акт не должен быть дискомфортным для участников общения, не следует связывать партнера обещанием или клятвой;

- максима одобрения – максима позитивности в оценке других – не осуждать других;
- максима скромности – неприятие похвал в собственный адрес, объективная самооценка;
- максима согласия – отказ от конфликтной ситуации во имя сохранения конструктивной коммуникации;
- максима симпатии – доброжелательность как основа для перспективного предметного разговора;
- максима такта – или максима границ личной сферы. В идеале любой коммуникативный акт предусматривает определенную дистанцию. Не следует затрагивать тем, потенциально спорных (частная жизнь, индивидуальные предпочтения и пр.).

Принцип **интереса** заключается в том, чем больше интереса к информации коммуниканты проявляют, чем динамичнее вербальное общение будет развиваться (Leech, 2014: 34).

Правила учета статусных ролей коммуникантов рассматривают принципы вежливости с позиции иерархических и неиерархических отношений между коммуникантами (Богданов, 1996). Например, такие максимы как такт, скромность и согласие в большей степени требуются от низшего звена по отношению к высшему, а великодушие, одобрение, симпатия – от высшего к низшему. При симметричном общении соблюдение правил зависит от других факторов. Взрослые коммуниканты, незнакомые друг другу, обычно соблюдают правила такта и согласия. С правилом вежливости связан принцип иронии: для того, чтобы обидеть кого-то, не нарушая принцип вежливости, при этом очевиден косвенно выраженный момент оскорбления, необходимо делать это, порождая импликацию, при которой истинный смысл либо скрыт, либо противоречит явному. Так, на прямое оскорбление может последовать деструктивная реакция со стороны оскорбляемого; оскорбление же, замаскированное под безобидное ироничное замечание, дает возможность

оскорбленному сделать вид, что он не понял оскорбления, или ответить иронией на иронию, что может иногда предотвратить конфликт, гармонизировать отношения.

Таким образом, с точки зрения прагматики с одной стороны текст – это сложный продукт человеческой деятельности, в котором всегда заложена цель говорящего; с другой, для построения текста, который приведет к достижению поставленной цели, человек использует определенные правила, принципы в соответствии со своими ожиданиями и опытом.

Наиболее эффективным способом организации дискурса, при котором происходит воздействие на систему взглядов реципиента считается аргументация.

2. Лингвистические подходы к изучению аргументации

Под аргументацией (от лат. “Argumentum” - основа) понимается языковая, социальная, рациональная деятельность, адресованная реципиенту с целью воздействовать определенным образом на его взгляды, а также побудить к совершению тех или иных действий (Ван Еемерен, 2006: 83).

Необходимым условием аргументативного текста является наличие характерной логической структуры, которая включает различные композиционные, содержательно-логические, языковые, стилистические элементы.

Аргументативный текст состоит, как правило, из трех разделов:

1. начала, где аргументатор выдвигает спорное предположение и предлагает пути решения проблемы (задача вступительной части — заинтересовать и завоевать доверие аудитории);
2. середины, в которой автор демонстрирует аргументативную структуру (приводит аргументы, обоснования, опровержения и т. д.);
3. заключения, где представлено обобщение ранее сказанных утверждений и реализуется функция побуждения.

Его композиционная структура стандартна, поэтому аудитория прогнозирует появление последующего компонента. Однако в зависимости от воли автора, прагматической цели и замысла аргументации, допускается обратный порядок следования разделов текста, когда композиция начинается с изложения аргументов, а заканчивается постановкой спорного тезиса. В таком случае происходит нарушение прогноза и возникновение эффекта неожиданности и обманутого ожидания.

Согласно прагма-диалектической теории аргументации Ф. ван Еемерена и Р. Гроотендорста, схема аргументации используется правильно в том случае, если можно удовлетворительно ответить на все относящиеся к предмету обсуждения контрольные вопросы, который оппонент может задать в ходе дискуссии (Ван Еемерен, 2006: 113).

В зависимости от критерия оценки отношений между посылкой и заключением Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст подразделяют схемы аргументации на три типа:

1. симптоматическая, или аргументация “признакового” типа (*symptomatic argumentation of the “token” type*);
2. сравнительная, или аргументация “по сходству” (*comparison argumentation of the “resamble” type*);
3. инструментальная, или аргументация “к последствиям” (*instrumental argumentation of the “consequence” type*).

Симптоматическая аргументация — это обоснование тезиса путем наведения в аргументах признака того, что постулируют в тезисе. Центральным контрольным вопросом для такого типа аргументации является вопрос о том, можно ли считать качество, упомянутое в посылке, действительно типичным для того, что выражается в точке зрения. Примером схемы такого типа служит аргументация, базирующаяся на авторитетном мнении, когда кто-то утверждает что-либо и это само по себе придает утверждению признак истинности.

Сравнительная аргументация предполагает защиту тезиса путем представления спорного вопроса как сходного с чем-то, что не вызывает

сомнений в истинности. Критерием оценки для данного вида аргументации служит достаточность существования сходных черт между сравниваемыми явлениями.

Инструментальная аргументация строится на причинно-следственных отношениях, при которых события, приводимые в аргументах, являются причиной того, что сказано в тезисе или наоборот. Правильность аргументации “к последствиям” можно оценить, ответив на вопрос: действительно ли упомянутые события являются теми причинами, что привели к результату. В число схем причинно-следственной аргументации входит прагматическая аргументация, в которой побуждающее действие представлено как средство достижения определенной цели (Ван Еемерен, 2006:114).

Самой распространенной схемой аргументации является процедурная модель Стивена Тулмина, которая содержит в себе шесть компонентов:

1. тезис (claim or conclusion), (C);
2. данные (data), (D);
3. основания (warrants), (W);
4. поддержка используемых оснований (backing), (B);
5. оговорка (conditions of exception or rebuttal), (R);
6. квалификатор (qualifiers), (Q) (Toulmin, 2003).

Следует отметить, что единой терминологии в данном вопросе не существует и ученые-лингвисты могут использовать разные названия одних и тех же компонентов аргументации.

Тезис (утверждение, заключение) – это отстаиваемое положение, которое необходимо обосновать. Данные (аргументы, факты, посылки, доводы) – те аргументы, на которые опирается аргументатор для подтверждения выдвинутого тезиса. Основание (обоснование, гарантии) представляет очевидную для реципиента информацию, которая делает тезис более приемлемым, позволяет перейти от данных к утверждению. Когда основание само по себе не является достаточно убедительным, используется поддержка используемого основания (ссылки на закон, результаты научных исследований и

т.д.). Оговорка (опровержение, уступка, ограничитель, исключение) – условие опровержения тезиса. Тезис считается обоснованным, если не входит в границы исключений. Квалификаторы (определители, уточнители) выражают степень уверенности аргументатора. Это такие слова как “вероятно”, “определенно”, “предположительно”, “всегда”.

Тулмин отмечает, что первые три компонента обязательно присутствуют в структуре любого аргументативного текста, остальные три дополняют и расширяют модель аргументации, могут быть представлены имплицитно или отсутствовать вовсе (см. модель 1, модель 2, модель 3). Для процедурной модели также важен порядок, в котором выполняются условия (Toulmin, 2003).

Модель 1

D

So C

Since
W

Пример 1

Harry was born in
Bermuda

So

Harry is a
British subject

Since

A man born in Bermuda will be a
British subject

Модель 2

D

So, Q, C

Since
W

Unless
R

Пример 2

Harry was born
in Bermuda

So, presumably,

Harry is a British
subject

Since

Unless

A man born in
Bermuda will
be a British
subject

Both his parents were aliens/
he has become a naturalized
American/ ...

Модель 3

D

So, Q, C

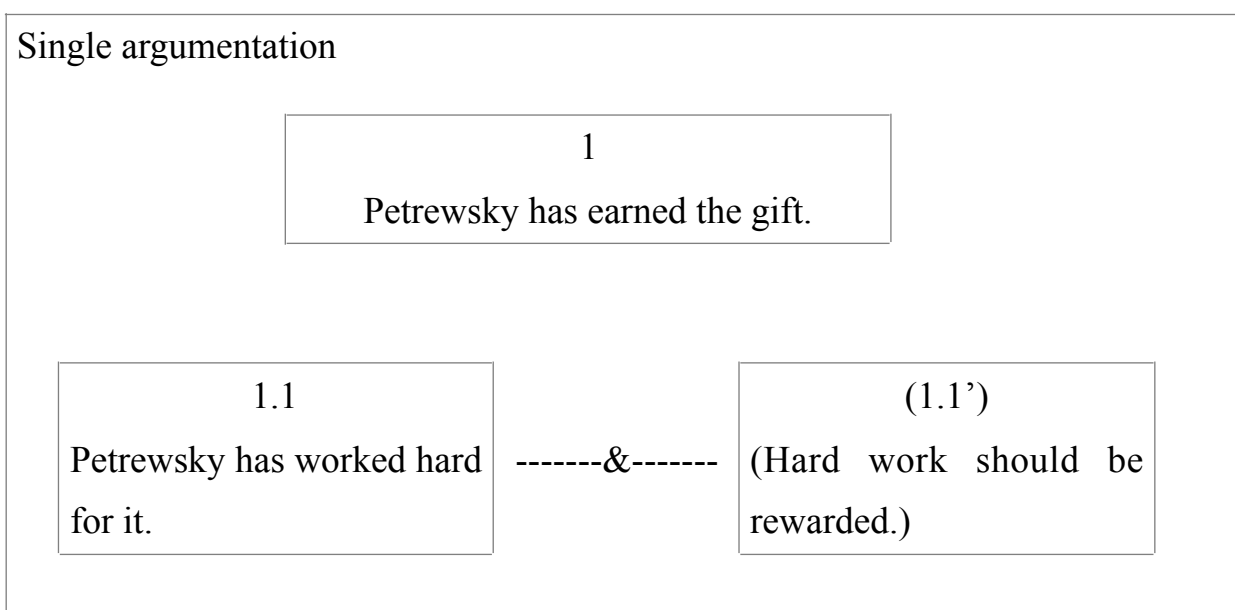
Since
W

Unless
R

On account of
B

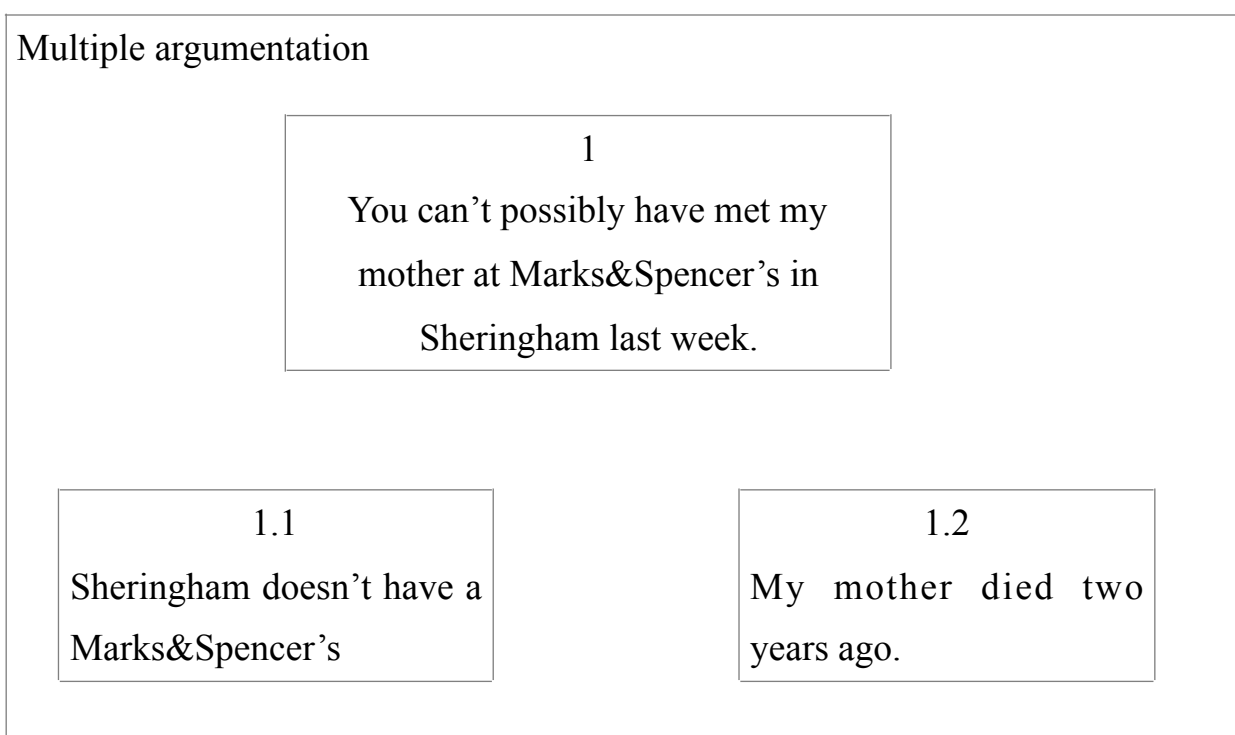
Пример 3

Пример 4

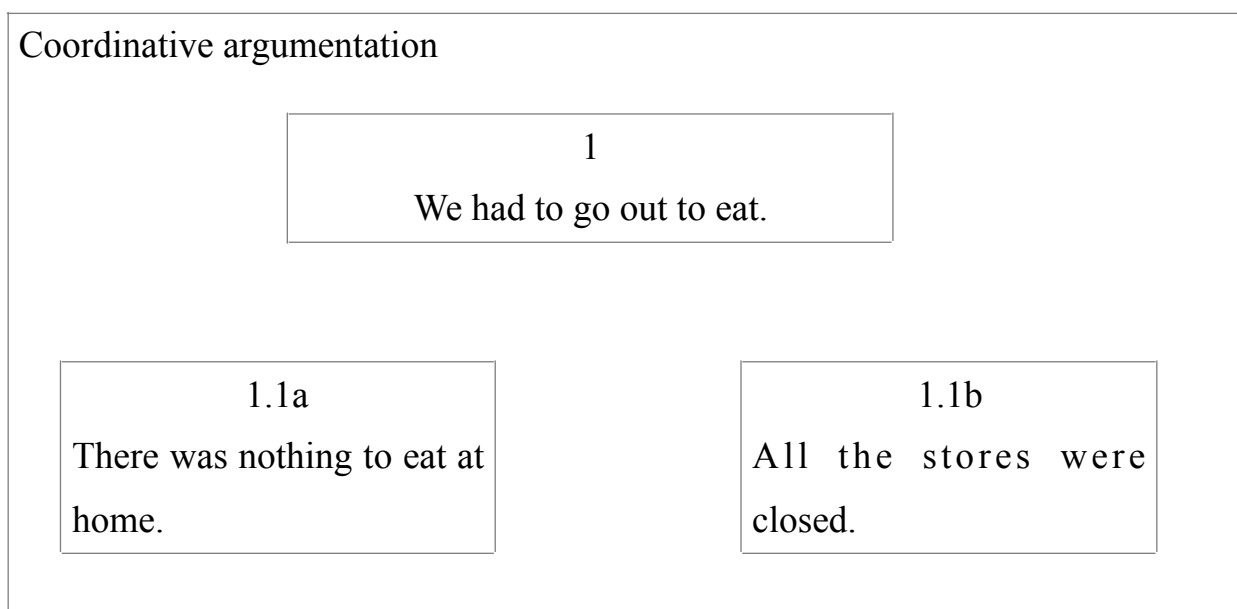
Множественная аргументация состоит из нескольких отдельных и не зависящих друг от друга аргументов, каждый из которых является достаточным для обоснования тезиса (см пример 5.).

Пример 5

Сочинительная аргументация представляет собой также ряд отдельных доводов, которые могут иметь различную аргументативную силу, однако, составить убедительную аргументацию и обосновать положение они могут только в совокупности (см пример 6.).

Пример 6

Под подчинительной аргументацией понимается такой способ рассуждений, при котором для обоснования одних доводов приводятся другие. Это происходит, когда аргументатор понимает, что аргумент не будет принят аудиторией, поскольку сам нуждается в защите (см пример 7.).

Subordinative argumentation

1

I can't help you paint your room next week.

1.1

I have no time next week.

1.1.1

I have to study for an exam.

1.1.1.1

Otherwise I'll lose my scholarship.

1.1.1.1.1

I'm not making good progress in my studies.

1.1.1.1.1.1

I've already been at it for more than five years.

Помимо тезиса и поддерживающих его оснований, для сохранения связности мысли и перехода к аргументу, аргументатор может использовать другие виды речевых актов таких, как рассуждение, описание и т. д.

Как правило, при создании аргументативного текста аргументатор держит в сознании два компонента:

1. цель его деятельности (не всегда совпадает с задачей данного аргументативного акта, может рассматриваться в глобальном масштабе);
2. образ реципиента, его возможные способы поведения (включая мнения, знания, убеждения касательно данной аргументации, а также интеллектуальные возможности, склонности и пристрастия).

Аргументативный текст представляет собой мягкий способ воздействия на сознание, при котором реципиент может и не осознавать никакого влияния, к принятию тезиса он приходит посредством своих собственных выводов. В отличие от прямого навязывания определенных убеждений, такой подход является наиболее продуктивным, а эффект стабильным, в силу того, что реципиент задействует собственную интеллектуальную силу.

С развитием интернет-технологий, средства массовой информации стали неотъемлемой частью жизни человека, он практически постоянно находится под его влиянием. В таких условиях популярным действенным методом распространения мнений среди СМИ становится аргументация.

1.3 Американский газетный аргументативный дискурс, жанры распространения мнения

На рубеже XIX-XX веков и в канун Первой мировой войны Соединенные Штаты Америки переживали бурный промышленный рост. США были лидерами по объему выпускаемой промышленной и сельскохозяйственной продукции в мире. Наряду с экономическим подъемом страна переживала эпидемию коррупции, взяточничества и разложения в среде богатых и власть имущих, принявшей огромные масштабы. Именно в этот период информацию

стали считать главным двигателем прогресса, и пресса стала оказывать значительное влияние на жизнь американцев (Михайлов, 2004).

Теодор Рузвельт в своей речи 14 апреля 1906 года определил историю “прогрессивного” десятилетия американской журналистики как историю “макрекерства” (“разгребательства грязи”), поскольку новое течение средств массовой информации искренне желало искоренить из жизни все существовавшие тогда негативные явления. “Макрерство” преследовало следующие цели (Михайлов, 2004):

- сделать явной скрытую ситуацию;
- показать перспективы развития ситуации;
- контролировать ситуацию;
- указать основное направление действий;
- поддержать независимость автора.

В число активных журналистов-макрекеров входили Джэкоб Рис (1849–1914), Хелен Кэмпбелл (1839–1918), Ида Тарбелл (1857–1944), Линкольн Стеффенс (1866–1936), Дэвид Филлипс (1867–1911) и многие другие. Их слова влияли на мнения миллионов людей, а расследования приводили к отставке сенаторов и президентов. Они заложили основные принципы и дали мощный толчок к развитию популярного в наше время жанра распространения мнения (Михайлов, 2004).

Одна из важнейших функций языка публицистики, воздействующая, которая является также основной функцией аргументативного дискурса, присуща не всем публицистическим жанрам. В зависимости от функции публицистического материала, от его назначения, от широты освещения событий современная журналистика выделяет несколько основных жанров, которые типичны для периодических изданий: информационные (заметка, репортаж, отчет, интервью, и др.), аналитические (статья, комментарий, рецензия, обзор, аналитическое интервью и др.), художественно-публицистические (очерк, фельетон, памфлет, анекдот и др.) (Акопов, 1996).

Аргументация используется преимущественно в аналитическом жанре, жанре распространении мнения, который дает возможность автору высказать собственное мнение и открыть миру новый взгляд на обычные вещи. Характерными особенностями аналитического жанра является:

- наличие авторской оценки;
- большой объем материала;
- аналитика;
- отображение внутренних связей между событиями, явлениями и персонами;
- прогностические предположения (Акопов, 1996).

Американский газетный аргументативный дискурс аналитических жанров может строиться на монологической и диалогической речи. Примерами первого способа оформления дискурса могут служить статья, рецензия, а второго – аналитический опрос, аналитическое интервью, беседа.

Язык аргументативного дискурса обладает двумя важнейшими функциями – информационной и воздействующей. Они реализуются за счет определенных черт, таких как точность, логичность, официальность, стандартизованность, с одной стороны, и оценочность, страстность, эмоциональность, с другой. Точность и логичность в аргументативном тексте достигается за счет использования правильно построенных предложений, которые отличаются ясностью, простотой и четкостью (Stonecipher, 1979: 216). Как правило аргументативные статьи публицистики ориентируются на широкий круг читателей, авторы стараются избегать использования сложных синтаксических конструкций. Кроме того, в американском газетном дискурсе принято многократно повторять тезис в различных вариациях, а также делать выводы в явном виде, чтобы читатель смог ясно понять и суммировать все аргументы, приводимые в тексте.

Для повышения воздействующей силы и реализации своих коммуникативно-прагматических интенций в аргументативном тексте

американские авторы часто используют различные экспрессивные средства синтаксического уровня языка:

- вопросительные и восклицательные конструкции, целью которых является привлечение внимания к обсуждаемому вопросу;
- отрицательные конструкции, усиливающие экспрессивную и воздействующую функцию языка;
- инверсия, способствующая намеренному эмоциональному выделению какой-либо части высказывания;
- риторические вопросы, которые служат для эмоционального выражения утверждения или непрямого побуждения к действию;
- экспрессивные формы передачи чужой речи;
- обращение к читателю.

Все эти синтаксические средства позволяют аргументатору придать дискурсу выразительность, а также несут фатическую (контактоустанавливающую) функцию, создавая впечатление непринужденной беседы, разговора с читателем напрямую, подготавливая его к восприятию информации и склоняя к своей точке зрения (Stonecipher, 1979).

Для аналитического жанра, как и для публицистического стиля речи в общем, характерно широкое использование общественно-политической лексики, образных средств, переносного значения слов, слов с яркой эмоциональной окраской. Также можно встретить в большом количестве такие выразительные средства, как эпитеты, сравнения, метафоры, фразеологизмы, пословицы, поговорки, разговорные обороты речи (в том числе просторечия), жаргонизмы; допускается использование литературных образов, цитат. Особое место уделяется использованию языковых средств юмора, иронии и сатиры (остроумных сравнений, иронических вставок, сатирического пересказа, пародирования, каламбуров), поскольку они делают аргументативный текст привлекательным и запоминающимся для читателей, позволяют сделать паузу перед представлением провокационного аргумента. (Stonecipher, 1979).

Практически, в газетном аналитическом жанре можно встретить любые изобразительно-выразительные средства, но в отличие от художественного стиля речи, где они выполняют эстетическую функцию, газетный аргументативный дискурс использует их в качестве инструмента, помогающего воздействовать на читателя, убедить его в чем-то, побудить его к определенным действиям, сформировать определенное отношение к событию или ситуации.

Наряду с четко выстроенной структурой текста, с применением изобразительно-выразительных средств языка, нацеленных на создание определенного воздействия на читателя, в американском газетном дискурсе присутствует большой процент клишированных и устойчивых выражений, различных журналистских штампов, стандартных терминов и названий, сокращений, наполненных реалиями общественной, политической и культурной жизни страны. Все это создает определенные трудности при передачи прагматической интенции в переводном тексте.

4. Прагматическая эквивалентность в переводе

Эффективность межъязыковой коммуникации во многом определяется степенью близости перевода к оригиналу. Языковые и культурные различия не позволяют отождествить эти два текста. Коммуникативное приравнение разноязычных текстов в процессе перевода сопровождается более или менее существенными опущениями, добавлениями и изменениями. Переводчику постоянно приходится выбирать, какими элементами оригинала можно пренебречь, чтобы воспроизвести другие коммуникативно более значимые (Комиссаров, 1990).

В связи с этим одним из центральных понятий теории перевода является понятие “эквивалентность перевода”, которое обозначает относительную общность перевода и оригинала при отсутствии их тождества (Комиссаров, 1990). Различается потенциально достижимая эквивалентность, определяемая соотношением максимальной близости структур и правил функционирования двух языков, и оптимальная эквивалентность – близость, достигаемая в

конкретном акте перевода. И в том, и в другом случае эквивалентность не представляет собой фиксированную величину: степень близости перевода и оригинала может быть различной и эквивалентность перевода устанавливается на разных уровнях.

Поскольку эквивалентность является условием перевода, задача переводчика заключается в том, чтобы определить это условие, указав, в чем заключается переводческая эквивалентность, что должно быть обязательно сохранено при переводе.

Исходя из коммуникативной значимости текста, А.Д. Швейцер предложил многоуровневую модель переводческой эквивалентности с позиции учета двух взаимосвязанных признаков: 1) характера трансформации, которой подвергается исходное высказывание при переводе, и 2) характера сохраняемого инварианта (свойство оригинала, сохраняющееся в переводе в неизменном виде) (Швейцер, 1988).

При построении этой модели за основу были приняты три знакового процесса (семиозиса), различаемые в семиотике, - синтактика (отношение “знак: знак”), семантика (отношение “знак: референт”) и прагматика (отношение “знак: человек”).

Рассматривая текст как знак, А.Д. Швейцер выделяет в нем соответственно уровни: синтаксический, семантический (компонентный и ситуационный) и прагматический. Каждому уровню соответствует свой набор инвариантов - неизменяемых на данном уровне перевода свойств текста. В качестве инвариантов исследователь выделяет: цель коммуникации (прагматический инвариант), описываемую в тексте ситуацию (ситуационный инвариант), набор сем - компонентов, при помощи которого описывается данная ситуация (компонентный инвариант) и синтаксическую структуру (синтаксический инвариант) (см. Таблица 1).

Таблица 1 Иерархия уровней эквивалентности

Уровень эквивалентности	Характер инварианта			
	Цель коммуникации	Описываемая ситуация	Состав сем (компонентов)	Синтаксическая структура
Прагматический	+	—	—	—
Семантический ситуационный (референциальный)	+	+	—	—
Семантический компонентный	+	+	+	—
Синтаксический	+	+	+	+

В модели А.Д. Швейцера прагматический уровень доминирует над всеми остальными. По его мнению, “прагматический уровень, охватывающий такие жизненно важные для коммуникации факторы, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект, установка на адресата, управляет другими уровнями. Прагматическая эквивалентность является неотъемлемой частью эквивалентности вообще и наслаивается на все другие уровни и виды эквивалентности”.

Самой близкой к оригинальному тексту, по теории А.Д. Швейцера, считается эквивалентность на *синтаксическом* уровне, поскольку удалось передать значения на всех вышележащих уровнях. На синтаксическом уровне действуют трансформации субституции (замена аналогичной конструкцией языка перевода):

The sun disappeared behind a cloud — Солнце скрылось за тучей (1).

Уровень *семантической* эквивалентности включает два подуровня: компонентный и ситуационный (референциальный). На этом уровне

происходит перестройка фразы. Сюда входит широкий спектр трансформаций, таких как: пассивизация, номинализация, замена слова словосочетанием и др. При компонентной эквивалентности в переводе сохраняется набор сем оригинала, однако имеется расхождение в формально-структурных средствах выражения. Здесь действуют грамматические трансформации — трансформации структуры предложения, не затрагивающие смысловые планы высказывания (замены части речи, членов предложения, активизация/пассивизация и др.):

Your wife is a superb cook — *Ваша жена прекрасно готовит* (2);

They are queuing for tickets — *Они стоят в очереди за билетами* (3).

На ситуативном подуровне одна и та же предметная ситуация описывается при помощи разных языковых средств. Сочетания разных семантических компонентов как бы приравниваются друг к другу для описания схожих ситуаций. Данный подуровень предполагает использование лексико-грамматических трансформаций.

This is a stone's throw — *Отсюда рукой подать* (4);

The air crash in Illinois killed 84 passengers — *В результате авиакатастрофы в Иллинойсе погибли 84 пассажира* (5).

Если на подуровне компонентной эквивалентности перевод осуществляется в основном путем грамматических трансформаций, то на подуровне референциальной эквивалентности речь идет о более сложных лексико-грамматических трансформациях. Среди этих преобразований выделяются, метафорические и метонимические сдвиги, конкретизация, генерализация:

My watch has stopped (англ.) — *У меня стоят часы (действие/состояние)*(6).

Когда невозможно достигнуть переводческой эквивалентности на синтаксическом и семантическом уровнях, в случаях, когда задача переводчика состоит в том, чтобы передать коммуникативный эффект высказывания, для которого в сопоставляемых языках существуют свои традиционно закрепленные формы, перевод осуществляется на *прагматическом* уровне

переводческой эквивалентности. Перевод на данном уровне не сводится к переводческим трансформациям, а характеризуется полной несопоставимостью лексического состава, невозможностью связать структуру оригинала и перевода отношениями лексико-грамматических и грамматических трансформаций (Швейцер, 1988:86).

На прагматическом уровне переводятся пословицы, поговорки, устойчивые формы описания ситуаций, речевые клише.

Many happy returns of the day — С днем рождения Вас (7).

Естественно, что такой перевод, ориентированный на передачу функциональной доминанты высказывания, не предполагает передачи элементов информативного типа, на прагматическом уровне эквивалентности перевод осуществляется ценой отказа от эквивалентности синтаксической и даже семантической.

Прагматический уровень занимает высшее место в иерархии уровней эквивалентности. Он охватывает такие факторы, как цель коммуникации, коммуникативный эффект и установка на адресата. Этот уровень обязателен для эквивалентности вообще и наслаивается на все остальные уровни эквивалентности. На прагматическом уровне могут иметь место различные лексические трансформации, не сводимые к одной модели (опущения, добавления, полная перестройка фразы).

Как и в семиотике, модель переводческой эквивалентности А.Д. Швейцера подчиняется законам иерархии: каждый уровень эквивалентности предполагает наличие эквивалентности на всех более высоких уровнях. Так, эквивалентность на синтаксическом уровне предполагает эквивалентность на семантическом (компонентном и референциальном) и прагматических уровнях. Компонентная эквивалентность предполагает также эквивалентность референциальную и прагматическую. Наконец, референциальная эквивалентность подразумевает и эквивалентность на прагматическом уровне. Обратной зависимости здесь не существует. Компонентная эквивалентность может существовать без синтаксической, референциальная - без компонентной. Наконец,

прагматическая эквивалентность может существовать без семантической и, разумеется, без синтаксической (Швейцер, 1988:87).

Понятие прагматической эквивалентности оригинала и перевода основывается на оценке соответствия текста перевода исходной целевой установке. Ю.В. Ванников определяет четыре типа прагматической эквивалентности перевода и оригинала:

1. Информационная – соответствует целевой установке воздействия на интеллектуальную сферу получателя;
2. Валоративная – соответствует целевой установке воздействия на систему взглядов, отношений, оценок получателя;
3. Инициативная – соответствует целевой установке воздействия на поведение получателя;
4. Селективная – соответствует целевой установке воздействия на организацию поведения получателя (Ванников, 1982: 39).

Прагматическая эквивалентность перевода понимается не как необходимость более полного соответствия реакции исходного реципиента на оригинал и реципиента перевода на перевод, а как возможность для указанных реципиентов извлекать одинаковую информацию о прагматической направленности соответственно из оригинала и перевода. Задача переводчика состоит не в том, чтобы адаптировать текст под культуру языка перевода, а в достижении прагматического соответствия исходного и переводного текстов.

Выводы по главе 1

Во первой главе изучен теоретический материал по проблемам перевода прагматического аспекта аргументативных текстов СМИ: рассмотрена проблематика лингвистики с точки зрения прагматики; изучены лингвистические подходы к изучению аргументации и принципы построения аргументативных текстов; отмечены особенности американского газетного дискурса; выявлены проблемы прагматического эквивалента в переводе и подробно разобрана многоуровневая модель переводческой эквивалентности А.Д. Швейцера.

На основании изученного материала были сделаны следующие выводы:

1. Для успешного перевода аргументированной газетной статьи, необходимо учитывать условия, в которых создавался текст: ясно понимать конечную цель автора, представлять на какую аудиторию ориентировался автор при создании текста, время и место написания и прочтения статьи.
2. При переводе переводчику, как и автору, необходимо также ориентироваться на читателей, учитывая уровень знаний, социальное положение читателей.
3. Важно помнить о том, что любой аргументативный текст всегда имеет четкую логическую структуру, несоблюдение которой приведет к потере прагматической интенции автора в целом, либо к ее существенному искажению.
4. Согласно модели А.Д. Швейцера, при переводе необходимо выделить верный уровень эквивалентности, стараясь сохранить как можно большее количество инвариантов, используя при этом характерные для данного уровня переводческие трансформации.
5. При переводе американской аргументативной газетной статьи необходимо сохранить историко-культурной и социальной контекст, при этом грамотно передать прагматическую составляющую текста.

Глава 2. Прагматический анализ примеров перевода американского газетного аргументативного стиля речи

2.1 Обзор информационного интернет-портала переводов иностранной прессы www.inosmi.ru

Популярный интернет-портал www.inosmi.ru – входит вместе с новостными агентствами “Sputnik” и “РИА Новости” в состав российской государственной медиагруппы “Россия Сегодня”. Число посетителей сайта ежедневно насчитывает около 200 тысяч человек. На портале публикуются переводы статей на русский язык из иностранных СМИ на различные темы, посвященные политике, экономике, науке, военным конфликтам и обществу. Преимущество отдается тем статьям, где речь идет о России. На портале представлены переводы, выполненные профессиональными переводчиками, но также существует форум, где читатели могут публиковать свои труды.

Переводы выкладываются в сеть круглосуточно в режиме реального времени. Согласно информации на сайте, www.inosmi.ru переводит для российской аудитории “наиболее примечательные материалы” в иностранных СМИ, их девиз – “Все, что достойно перевода”.

Однако столь амбициозные лозунги сайта часто подвергаются критике. В апреле 2015 года для противостояния “продолжающимся дезинформационным кампаниям со стороны России” была создана оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям (East StratCom Task Force). Члены этой группы провели собственный обзор европейских и американских СМИ, и проанализировали, какие статьи сайт www.inosmi.ru отобрал для перевода и публикаций. В результате число статей с положительным отношением к России и с отрицательным к “Западу” значительно превосходят по числу те, в которых политика “Запада” описывается положительно, а действия России имеет негативную окраску. Авторы исследования также изучили переводы отобранных статей и пришли к выводу, что www.inosmi.ru трудно назвать чисто пропагандистским новостным порталом”, но отмечают, что “оригинальные

западные публикации перефразируются с помощью выборочного изъятия, перестановок и умолчаний при переводе”.

На интернет-портале представлены как полные переводы газетных статей, в основном информационных и аналитических жанров, так и обзоры статей за период времени. В большинстве случаев к каждой опубликованной статье прикреплен ссылка на источник, что позволяет производить сравнительный анализ оригинального текста с переводом.

Таким образом интернет-ресурс www.inosmi.ru является оптимальным источником практического материала для изучения прагматического аспекта перевода аргументативного текста.

Далее в практической части работы приводятся результаты сравнения оригинальных статей двух американских газет, *The New York Times* и *The Washington Post*, с их переводом и последующий анализ полученных результатов с целью выявить влияние переводческих трансформаций на прагматическую составляющую переводного текста.

2.2 Анализ материалов газеты *The New York Times*

The New York Times (“Нью-Йорк Таймс”) — ежедневная газета, издаваемая в Нью-Йорке с 18 сентября 1851 года. Одна из крупнейших по тиражу газет в США (1.379.806 экземпляров в день). Является одной из влиятельных изданий в мире, ориентируется на широкий круг читателей, разных возрастов и социальных статусов. С 1996 года газета имеет веб-сайт, который является одним из самых популярных новостных сайтов в мире, с посещаемостью в 30 миллионов человек в месяц. *The New York Times* получила 117 Пулитцеровских премий — больше, чем какая-либо другая газета.

Для анализа прагматического аспекта перевода были использованы аргументативные тексты газеты *The New York Times*, переводы которых опубликованы на интернет-портале www.inosmi.ru в период с 13.07.16г. по 06.05.2017г. Оригинальные и переводные тексты представлены в приложениях.

№1 Has Barack Obama Hurt Race Relations? / Усугубил ли Барак Обама межрасовые отношения? (см. приложение1)

#	Original Excerpt	Translation of Excerpt	Comments
1	I worry that he exhausted too much political capital too soon on Obamacare .	Я обеспокоен тем, что он слишком быстро растратил политический капитал на реформу медицинского страхования (Obamacare).	Разъяснение газетного термина. “Obamacare” – успешная медицинская реформа, проведенная при правлении президента Б.Обамы. Термин общепринятый для американской прессы, однако российскому читателю он мало знаком.
2	He painted a profoundly admiring portrait of cops, asking their detractors to consider how it feels to be “unfairly maligned” by hyperbolic cries of pervasive police misconduct. Then he painted a profoundly sympathetic portrait of protesters , explaining why so many African-Americans feel “unfairly targeted.”	Президент изобразил положительный портрет полицейских и обратился с просьбой представить себя на их месте. Затем он попытался объяснить, почему так много афроамериканцев считают, что их несправедливо преследуют.	Опущение , при этом утрачивается эмоциональная негативная окраска к detractors и protesters, становится непонятно к кому президент обратился.
3	They point to data like a Gallup poll from three months ago in which 35 percent of Americans said that they worried “a great deal” about race relations. That number had doubled over the prior two years, a period coinciding with the rise of the Black Lives Matter movement . It was also the highest number since Gallup first began asking this question 15 years ago.	Они приводят сведения вроде проведенного Gallup три месяца назад опроса, согласно которому, 35% американцев испытывают серьезные опасения в связи с межрасовыми отношениями. За два года, то есть, за время развития движения «Жизнь черных имеет значение» , их число увеличилось в два раза. И это наивысший показатель за 15 лет, в течение которых Gallup проводит такой опрос.	На статистику организации Gallup опирается аргумент, необходимо сделать комментарий , что это за организация. «Жизнь черных имеет значение» – само название описывает деятельность движения, нет необходимости давать разъяснение, что и делает переводчик.

4	But it may well reflect alarm about how we navigate an overdue conversation rather than a belief that the conversation lacks merit.	Но это также может отражать озабоченность в связи с тем, как мы ведем этот сложный разговор , а не то, что разговор вообще не имеет преимуществ.	Замена экспрессивной лексики на общую, нейтральную.
---	--	---	--

В переводе встречаются прагматические трансформации, которые оказывают положительный коммуникативный эффект:

- разъяснение малознакомого американского газетного термина;
- замена экспрессивной лексики на нейтральную. Для российской аудитории, описываемая ситуация не близка, не влияет на аргументацию.
- В случае упоминания американского движения «Жизнь черных имеет значение», нет необходимости приводить какие-либо пояснения, из названия и так становится понятно.

Однако встречаются и прагматические трансформации, которые отрицательно сказываются на прагматике текста:

- опущение, в результате которого теряется эмоциональная окраска события и логическая связь предложения с текстом;
- нет пояснения, что из себя представляет организация Gallup, на которую ссылается статистика, аргумент теряет прагматическую силу.

№2 What the G.O.P. Wants Trump to Say Tonight / Каких слов

Республиканская партия ждет сегодня от Трампа (см. Приложение 2)

#	Original Excerpt	Translation of Excerpt	Comments
---	------------------	------------------------	----------

4	However, President Trump will need to do more than merely wait upon a Republican Congress to produce the legislation he has championed. He must become an active participant in the legislative process.	Но президент Трамп не может просто ждать, когда республиканский конгресс утвердит те законопроекты, за которые он выступает. Ему придется сделать нечто большее. Он должен стать активным участником законотворческого процесса.	Добавление Используется как уточнение, для логической связи.
9	A new effort against the Islamic State requires a new congressional authorization for the use of force. President Trump should ask for it.	Новые усилия в борьбе против «Исламского государства» (запрещенная в России организация — прим. пер.) потребуют новых санкций конгресса на применение силы. И президент Трамп должен получить их.	Примечание автора, добавляют фоновые знания читателю.
11	Finally, there is the vexing issue of illegal immigration. President Trump is right to focus first on border security.	И наконец, есть очень сложная проблема нелегальной иммиграции. Президент Трамп совершенно правильно обращает первоочередное внимание на безопасность на границе.	Замена экспрессивной лексики на нейтральную

В переводе встречаются приемы прагматической адаптации, которые положительно влияют на коммуникативный эффект: добавление уточнения (для раскрытия имплицитной информации), вставка примечания автора (расширение фоновых знаний). Также наблюдается замена экспрессивной лексики на нейтральную, что делает аргумент менее выразительным.

№3 **Calling On a Few Good Men / Обращение к “хорошим парням”** (см Приложение 3)

#	Original Excerpt	Translation of Excerpt	Comments
---	------------------	------------------------	----------

4	The last time our country faced such a cancer on the presidency, the Republican Party's leadership stood up and put country before party to get to the truth. But today's G.O.P. is a pale imitation of that party.	В последнее время наша страна поражена раковой опухолью президентства. Сегодняшняя Республиканская партия — бледное подобие себя самой.	Опущение Влияет на убедительность аргумента, нарушает его логическую структуру.
11	I'm not asking you to quit; I'm asking you to act — to collectively or individually sit the president down and make clear that you can't effectively advance our national security unless he does the right thing and apologizes to President Obama, and unless he releases his tax returns to eliminate any questions regarding what we now know is already an eight-month-old F.B.I. investigation into possible collusion between the Kremlin and Trump's campaign to hack our last election.	Я не прошу вас уволиться. Я прошу вас действовать: вместе или по одному прийти к президенту и объяснить, что он не может защищать национальную безопасность, ??? пока не извинится перед президентом Обамой. И пока он не покажет свои налоговые декларации, чтобы снять все вопросы о восьмимесячном (как мы узнали) расследовании ФБР относительно возможного сговора между Кремлем и Трампом с целью повлиять на наши выборы.	Подмена личного местоимения, которое приводит к искажению информации. Опущение оговорки, которое делает тезис менее убедительным.

При переводе статьи произошла подмена личного местоимения, что привело к искажению смысла предложения. Встречается опущение оговорки, делая тезис более слабым.

№4 Why Is Trump Fighting ISIS in Syria? / Почему Трамп борется с ИГИЛ в Сирии? (см Приложение 4)

#	Original Excerpt	Translation of Excerpt	Comments
---	------------------	------------------------	----------

1	But when pressed, there is one idea everyone on the team seems to agree on: “The defeat of ISIS,” as Secretary of State Rex Tillerson put it.	Но под давлением все соглашаются с идеей «Победы над ИГ (запрещенная в России организация — прим. ред.)» , как высказался госсекретарь Рекс Тиллерсон.	Разъяснение Добавляют фоновые знания читателю.
2	Well, let me add to their confusion by asking just one question: Why?	Позвольте и мне подбросить дров в эту растерянность , спросив: «Почему?».	Передача экспрессии , улучшается восприятие текста.
16	Do not let them off the hook! We need to make them own what they’ve become — enablers of a Syria that uses poison gas on children.	Не подведи их! Мы должны дать понять, чем они стали — пособниками Сирии, использующей газ против детей.	Передача экспрессии

Перевод данной статьи выполнен с соблюдением логической структуры аргументативного текста оригинала; передана экспрессия, при которой облегчается восприятие текста; вставлены примечание автора, расширяющие фоновые знания читателя.

№5 What’s the Matter With Europe? / Что случилось с Европой? (см Приложение 5)

#	Original Excerpt	Translation of Excerpt	Comments
---	------------------	------------------------	----------

1	<p>Most observers expect Emmanuel Macron, a centrist, to defeat Marine Le Pen, the white nationalist — please, let's stop dignifying this stuff by calling it "populism." And I'm pretty sure that Times rules allow me to state directly that I very much hope the conventional wisdom is right.</p>	<p>Большинство обозревателей полагают, что центрист Эммануэль Макрон одержит победу на белой националисткой Марин Ле Пен (хватит облагораживать факты, называя это популизмом; пора назвать вещи своими именами). Я уверен: правила <i>New York Times</i> позволят мне заявить прямо, что я очень надеюсь на победу здравого смысла.</p>	<p>Перифразирование</p> <p>Уточняется мысль автора, звучит естественнее на русском языке.</p>
8	<p>Yes, France has big social problems; who doesn't? But it shows little sign of the surge in "deaths of despair" — mortality from drugs, alcohol and suicide — that Anne Case and Angus Deaton have shown to be taking place in the U.S. white working class.</p>	<p>Да, у Франции есть серьезные социальные проблемы. А у кого их нет? Но там нет и намека на всплеск «смертей от отчаяния», какой мы наблюдаем среди белого рабочего класса США, и о котором пишут Энн Кейс (Anne Case) и Энгус Дитон (Angus Deaton).</p>	<p>Опущение, в результате которого довод становится имплицитным.</p>

В переводе можно наблюдать прагматическую адаптацию — перефразирование, которое делает звучание предложения естественным и понятным на русском языке. Наблюдается также опущение, в результате которого довод становится имплицитным.

2.3 Анализ материалов газеты The Washington Post

The Washington Post - ежедневная, наиболее широко распространенная газета, Основана в 1877 году в Вашингтоне, округ Колумбия. Газета уделяет особое внимание национальной и международной политике. Содержит срочные новости, репортажи на национальные и международные темы, очерки и комментарии. Газета завоевала 47 Пулитцеровских премий.

По состоянию на май 2013 года средний тираж в будние дни составлял 474 767 экземпляров, что делает его седьмым по величине газетным тиражом в

стране. Знаменита своими скандальными публикациями, ориентирована по широкий круг читателей (36).

Для анализа прагматического аспекта перевода отобраны аргументативные тексты из газеты The Washington Post, переводы которых были опубликованы в www.inosmi.ru в период с 09.10.16г. по 26.02.2017г.

№1 Are the Russians really preparing for war? / Русские готовятся к войне?
(см Приложение 2)

#	Original Excerpt	Translation of Excerpt	Comments
2	The Washington Post's Moscow bureau decided to rank the signs to see how likely they suggest that Russia is getting ready to fight.	Московское бюро газеты «The Washington Post» попыталось расставить по порядку признаки, чтобы проанализировать, насколько велика вероятность того, что Россия готовится к бою.	Описание американской реалии
3	1. New bomb shelters ... Does this mean war? Most definitely not. It turned out to be a hoax , probably aimed at bilking pensioners.	1. Новые бомбоубежища ... Признак войны? Определенно нет. Это оказалось фальшивкой , вероятно, направленной на выкачивание денег у пенсионеров.	Передача жаргонной и разговорной лексики

5	<p>3. Warmongering politicians ... Does this mean war? No. Zhirinovksy, who has vowed to annex Alaska, flatten Poland and the Baltics, and enslave Georgia, made headlines. But his ridiculously misnamed Liberal Democratic Party of Russia controls 39 of the 450 seats in the Russian parliament, and he always votes with the Kremlin.</p>	<p>3. Политики, разжигающие военную истерию ... Признак войны? Нет. Жириновский, который поклялся аннексировать Аляску, сравнить с землей Польшу и страны Балтии и поработить Грузию, стремится создавать громкие заголовки. Но его смехотворно названная «Либерально-демократическая партия России» контролирует 39 из 450 мест в российском парламенте, и он всегда голосует согласно указам Кремля.</p>	<p>Передача политической лексики</p>
---	---	--	--------------------------------------

В переводе переданы жаргоны, разговорная лексика, американские реалии сопровождаются пояснениями, с соблюдением логической структуры.

Достигнута прагматическая цель.

№2 Will Donald Trump be the actual decider in his administration's foreign policy? This one trick will tell you! / Действительно ли Дональд Трамп будет в своей администрации творцом внешней политики США? (см Приложение 7)

#	Original Excerpt	Translation of Excerpt	Comments
---	------------------	------------------------	----------

3	<p>By his own choosing, he hasn't received many intelligence briefings since becoming the president-elect, whereas Vice President-elect Mike Pence has been briefed almost daily.</p> <p>Trump also made it clear during his first week as president-elect that his policy priorities would be domestic in nature.</p>	<p>Трамп по собственному решению не стал знакомиться с множеством разведывательных сводок после того, как его выбрали президентом, тогда как его вице-президент Майк Пенс (Mike Pence), изучает данные разведки практически ежедневно. В первую же неделю после своего избрания Трамп ясно дал понять, что он сосредоточится главным образом на внутренней политике.</p>	<p>Опущение</p> <p>Пропадает сарказм, искажается информация</p> <p>Нарушается логическая структура аргументации</p>
6	<p>Barack Obama picked Hillary Clinton, but the dirty little secret of the past eight years is that most of American foreign policy was run out of the White House and not Foggy Bottom.</p>	<p>Барак Обама выбрал Хиллари Клинтон, однако главный секрет прошедших восьми лет заключается в том, что большинство внешнеполитических решений были приняты в Белом доме, а вовсе не в Госдепартаменте.</p>	<p>Замена экспрессивной лексики на нейтральную, общую лексику.</p>

12	<p>There's the small issue of the other policy principals on Trump's foreign policy team. We already know that Pence is more hawkish on Russia. And here's Trump's possible pick for director of national intelligence on Russia's role in the 2016 campaign:</p> <p>"A conscious effort by a nation-state to attempt to achieve a specific effect" NSA chief on WikiLeaks https://t.co/kvmrTyVE30 #WSJCEOCouncil pic.twitter.com/AT2pxK2ROR</p>	<p>Здесь возникает тема внешнеполитической команды Трампа. Мы уже знаем, что Пенс занимает более жесткую позицию в отношении России. А возможным кандидатом на пост директора Национальной разведки является адмирал Майкл Роджерс (Michael S. Rogers).</p>	<p>В оригинальном тексте конкретного имени не называется, а дается ссылка на страничку в twitter.</p>
----	---	--	---

В переводе присутствует прагматическая трансформация опущения, которая оказывает существенное влияние на прагматическую интенцию текста: пропадает сарказм, смысл меняется на противоположный. Также наблюдается замена экспрессивной лексики на нейтральную, которая в некоторой степени снижает прагматическую силу аргументов. В явном виде называется имя предполагаемого кандидата на пост директора национальной разведки, в оригинале дается лишь намек, предполагается, что читатель сам найдет ответ, изучив дополнительную информацию, пройдя по ссылке в Twitter. Прагматическая сила аргументативного текста перевода значительно меньше оригинала.

№3 **Our Putin / Наш Путин** (см Приложение 8)

#	Original Excerpt	Translation of Excerpt	Comments
	<p>A leaked dossier purporting to contain possible Russian blackmail material on Mr. Trump dominated headlines for weeks.</p>	<p>А новости о том, что у России есть компромат на г-на Трампа, долгое время не покидали заголовки ведущих изданий.</p>	<p>Опущение вероятности</p>

<p>Early Putin was positively Trumpian, his presidency a blitz of convention-defying that conjured up the image of a leader on the march after President Boris Yeltsin's drunken stumbles and the economic uncertainties of the late 1990s.</p>	<p>В начале своего президентства г-н Путин был очень похож на г-на Трампа: он смело бросал вызов традициям и сложившемуся порядку, что обеспечило ему образ сильного лидера в народе, уставшем от ошибок Бориса Ельцина и экономических проблем конца 1990-х годов.</p>	<p>Экспрессивная разговорная лексика заменяется на нейтральную, не передано отношение автора.</p>
<p>No surprise then that Mr. Trump's unseemly embrace of the Russian tough guy has given rise to a million conspiracy theories.</p>	<p>В связи с этим неудивительно, что такая неуместная симпатия г-на Трампа по отношению к российскому лидеру породила миллион теорий заговора.</p>	<p>Экспрессивная разговорная лексика заменяется на нейтральную, не передано отношение автора.</p>

В переводе наблюдается опущение маркера вероятности, что в значительной степени увеличивает прагматическую силу аргумента в. Экспрессивная разговорная лексика заменена на нейтральную, возможно из соображений цензуры.

№4 CZAR VLAD'S TOLERANT TYRANNY / Царь Владимир и его 'толерантная тирания' (см Приложение 9)

#	Original Excerpt	Translation of Excerpt	Comments
	<p>Where some, correctly, saw a hard-line former K.G.B. spy determined to restore a strong state, others persisted in seeing a would-be Western-style reformer. "Who is Mr. Putin?" a foreign reporter famously asked early in his tenure.</p>	<p>Там, где некоторые вполне обоснованно усматривали консервативного бывшего агента КГБ, решительно настроенного восстановить сильное государство, другие упорно видели будущего реформатора по западному образцу.</p>	<p>Опущение риторического вопроса</p>

	A shirtless Mr. Putin is a regular figure of parody on “Saturday Night Live,” portrayed as a character witness (or is that handler?) for the president of the United States.	Г-н Путин без рубашки постоянно становится персонажем пародий в программе Saturday Night Live, в которых он зачастую появляется вместе с президентом США.	Опущение
	Putin’s starting to look like a slicker version of Saddam Hussein, with sharper targeting skills (and Vlad really <i>does</i> have weapons of mass destruction).	Путин начинает напоминать Саддама Хусейна - только куда более хитроумного и гораздо лучше умеющего выбирать объекты для нападения (кроме того, у Влада вне всяких сомнений есть оружие массового поражения).	Передача сокращенного имени как в оригинале

В переводе наблюдаются опущения риторических вопросов, значительно снижающих прагматическую силу аргументативного текста, не передается отношение автора к ситуации. Наблюдается провал коммуникативной силы высказывания, путем передачи сокращения имени Владимир как в оригинале. В американской культуре это означает вольное обращение, на равных, в то время как российский читатель с трудом может понять о ком идет речь.

№5 **Vladimir Putin is bringing back the 1930s / Путин возвращает 1930-е годы** (см Приложение10)

#	Original Excerpt	Translation of Excerpt	Comments
3	The Financial Times reports that of the 138,000 migrants who have come by sea to Italy this year, few are from Syria.	Как сообщает издание Financial Times, из 138 тысяч мигрантов, которые прибыли по морю в Италию в этом году, лишь немногие являются уроженцами Сирии.	Пояснение американской реалии

9	<p>In a collection of essays, “Authoritarianism Goes Global” (Johns Hopkins), the Brookings Institution’s Lilia Shevtsova says Putin is simultaneously imposing a domestic revolution of cultural conservatism, converting Russia into a revanchist power and “forging an anti-Western International.”</p>	<p>В сборнике эссе «Авторитаризм покоряет мир» (Authoritarianism Goes Global) Лилия Шевцова из Брукингского института пишет, что Путин одновременно проводит внутреннюю революцию культурного консерватизма, превращая Россию в реваншистскую державу, и «формирует антизападный интернационал».</p>	<p>Опущение Ведет к ошибочному пониманию, кто автор сборника.</p>
---	---	---	--

В переводном тексте наблюдается прагматическая трансформация – пояснение, которое указывает на принадлежность *Financial Times* к изданиям, однако, опущен автор сборника, указанный в оригинальном тексте, что может привести к искажению информации.

Выводы по главе 2

Во второй главе произведен прагматический анализ примеров перевода текстов, выполненных в рамках американского газетного аргументативного стиля речи. Было отобрано 10 переводных аргументативных статей из двух популярных американских изданий: *The New York Times* и *The Washington Post*.

После анализа оригинальных аргументативных газетных статей и их перевода, и последующей обработки результатов, были сделаны следующие выводы:

1. При переводе названий организаций, фирм, учреждений, географических объектов, связанных с особенностями культуры и быта иноязычного населения, задействованных в обосновании тезиса, необходимо эксплицирование подразумеваемой в оригинале информации путем соответствующих дополнений и пояснений в переводящем тексте;
2. опущение, использование приема генерализации (замены слова с конкретным значением на более общее значение, но более понятное для

читателя) и конкретизации возможны только в том случае, когда информация не является коммуникативно релевантной (не задействована в аргументации);

3. пренебрежение аргументативной структурой, ее экспрессивными средствами, лишает текст воздействующей силы;
4. оптимальный выбор уровня эквивалентности, повышает прагматическую силу аргументативного текста.

Заключение

Выпускная дипломная работа посвящена изучению прагматического аспекта аргументативных текстов средств массовой информации.

Перевод аргументативных текстов как никогда актуален в эпоху информационного расцвета. Однако неправильная трактовка и передача смысла содержимого, может привести не только к неприязни между отдельными группами людей, но и к международным конфликтам и войнам.

Для того чтобы не допускать явных ошибок, приводящих к искажению информации, необходимо четко понимать, какие существуют факторы, критерии, влияющие на качество перевода аргументативного текста.

Целью работы являлось изучение прагматических особенностей аргументативных текстов СМИ при переводе. Содержащие в себе большое количество клишированных и устойчивых выражений, различных журналистских штампов, стандартных терминов и названий, наполненных реалиями общественной, политической и культурной жизни страны, аргументативные тексты СМИ представляют большой интерес с точки зрения изучения прагматического уровня переводческой эквивалентности.

В данной работе изучены теоретические материалы по прагматическому аспекту в лингвистике, рассмотрены существующие подходы к изучению аргументации, выявлены особенности газетного аргументативного дискурса на английском языке. На основании теоретического материала были сформулированы основные требования, необходимые для достижения успешного перевода аргументативного текста, с точки зрения прагматики.

Было выяснено, что при переводе аргументативных текстов СМИ важно учитывать условия при которых создавался оригинальный текст, четко представлять для кого создается перевод, и помнить, что нарушение структуры аргументативного текста оригинала, приведет к потере прагматической интенции; чем большее количество инвариантов сохраняется при переводе, тем ближе перевод соответствует прагматическая сила оригинала; при переводе

американской аргументативной газетной статьи необходимо сохранить историко-культурной и социальной контекст, при этом грамотно передать прагматическую составляющую текста.

Произведен сравнительный анализ примеров перевода 10 аргументативных газетных статей с оригиналами двух известных популярных американских изданий: The New York Times, The Washington Post. Для отбора материалов для анализа использовался информационный-интернет портал переводов иностранной прессы www.inosmi.ru. В ходе анализа были выявлены критерии, влияющие на качество перевода аргументативного текста.

Перевод реалий культуры и быта иноязычной страны, задействованных в обосновании тезиса, необходимо эксплицировать, путем соответствующих дополнений и пояснений в переводящем тексте. Использование приемов опущения, генерализации и конкретизации возможны только для коммуникативно нерелевантной информации. Пренебрежение аргументативной структурой, ее экспрессивными средствами, лишает текст воздействующей силы. При выборе оптимального уровня эквивалентности, прагматическая сила аргументативного текста повышается.

Анализ примеров переводов частично подтвердил тезис о том, что портал inosmi.ru является орудием формирования общественного мнения в России в отношении взглядов западных СМИ на нашу страну.

Список использованной литературы:

1. Акопов, А.И. Аналитические жанры публицистики: письмо, корреспонденция, статья: уч. Пособие / А.И. Акопов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Института Массовых коммуникаций, 1996. – 51 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Е. В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 5-30.
3. Большой Энциклопедический словарь. 2000.
4. Богданов, В. В. Лингвистическая прагматика и ее прикладные аспекты // Прикладное языкознание. – СПб., 1996. – С. 268-275.
5. Большой энциклопедический словарь / Ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.
6. Булыгина, Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
7. Ванников, Ю.В. Понятие адекватности текста и типы адекватности перевода / Ю.В. Ванников // Уровни текста и методы его лингвистического анализа. – М., 1982.
8. Голуб, И.Б. Русский язык и культура речи: уч. Пособие/И.Б. Голуб. – М.: Логос, 2002. – 432 с.
9. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 217-237.
10. Демьянков, В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания. – Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка, 1981, т. 40, Э 4.
11. Елисеева, В. В. Лексикология английского языка: Учебное пособие. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 80 с.
12. Карнап, Р. Значение и необходимость: Исследования по семантике и модальной логике. – М.: Издание иностранной литературы, 1959. – 384 с.
13. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
14. Львов, М.Р. Основы теории речи: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 248 с.
15. Макаров, М. Л Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
16. Ван Еемерен, Ф Важнейшие концепции теории аргументации /пер. с англ. В.Ю. Голубева, С.А. Чахоян, К.В. Гудковой; науч. ред. А.И. Мигунов. – СПб.: Филологический факультет, 2006. – 296 с.
17. Михайлов, С. А. Журналистика Соединённых Штатов Америки. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2004. – 448 с.

18. Пирс, Ч. Начала прагматизма / Перевод с английского, предисловие В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина, – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ: Алетейя, 2000. – 352 с.
19. Соссюр, Ф. де Курс общей лингвистики / Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / Пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. рея. М. Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
20. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. – Воронеж: «Истоки», 2012. – С.178.
21. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика // Учебник для студентов, магистрантов и аспирантов (докторантов). – М.: Восток-Запад, 2006. – 200 с.
22. Тарасова, Е.Ф. Речевое воздействие: методология и теория /Е.Ф. Тарасова// Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С.5-18.
23. Теория познания. В 4 т. Т. 2. Социально-культурная природа познания /АН СССР. Ин-т философии; Под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1991. – С. 478.
24. Шаикова, Г.К. Лингвистическая прагматика: учебно-методическое пособие для студентов филологических специальностей / к.ф.н. Шаикова Г.К. – Павлодар, 2007. – 60 с.
25. Швейцер, А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
26. Фреге, Г. Понятие и вещь // Семиотика и информатика. – М.: ВИНТИ, 1978, вып. 10. – С. 188-205.
27. Austin, J.L. How to do things with words / Austin J.L. – Oxford Un. Press, 1962. – 422 p.
28. Stonecipher, Harry W. Editorial and persuasive writing: Opinion function of the news media. – New York: Hastings House, 1979. – 255 p.
29. Eeremen, F.H., van Grootendorst R., Snoeck Henkemans A. F. Argumentation: Analysis, Evaluation, Presentation. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum associates, 2002. – 195 p.
30. Leech, G.N. Principles of Pragmatics. – London, New York: Longman, 1983. – 257 p.
31. Leech, G.N. The pragmatic of politeness / Leech, G.N. – Oxford Un. Press, 2014. – 343 p.
32. Toulmin, S.E. The Uses of Argument. – New York: Cambridge University Press, 2003. – 247 p.
33. Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям East StratCom Task Force в вопросах и ответах. Режим доступа: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/16043/
34. Трудности перевода: как российские новости искажают информацию. Режим доступа: <https://ru.krymr.com/a/28098968.html>

Has Barack Obama Hurt Race Relations?

(https://www.nytimes.com/2016/07/13/opinion/has-barack-obama-hurt-race-relations.html?ref=opinion&_r=0)

Editorial: Frank Bruni JULY 13, 2016

I have many qualms about Barack Obama's presidency. I worry that he exhausted too much political capital too soon on Obamacare. That he overcorrected for his predecessor's foreign debacle. That he wore his disdain for Congress too conspicuously.

But I cry foul at the complaint that he has significantly aggravated racial animosity and widened the racial divide in this country. It's a simplistic read of what's happening, and it lays too much blame on the doorstep of a man who has sought — imperfectly on some occasions, expertly on others — to speak for all Americans.

That complaint trailed him to Dallas, where he appeared on Tuesday at a memorial for the five police officers killed by a sniper last week. He was there not just to eulogize them — which he did, magnificently — but to try to steady a nation reeling from their deaths and the ones just beforehand of Alton Sterling in Louisiana and Philando Castile in Minnesota.

He painted a profoundly admiring portrait of cops, asking their detractors to consider how it feels to be “unfairly maligned” by hyperbolic cries of pervasive police misconduct. Then he painted a profoundly sympathetic portrait of protesters, explaining why so many African-Americans feel “unfairly targeted.”

“Can we find the character, as Americans, to open our hearts to each other?” he said. He may not have phrased the question that way before, but to my ears, it's what he's been asking all along.

His sternest critics have decided to hear something different, homing in on his references to racial disparities in criminal justice to charge that he has brought the country to a boil.

In the last few days alone, he has been accused of abetting a “fundamental misreading of American society as irremediably racist,” of consistently choosing “to see things through the eyes of an aggrieved black activist” and of being possibly “the worst president in U.S. history” specifically because he “set back American race relations by 50 years.”

It's true that Obama has sometimes spoken of discrimination before all the facts of a given killing were known. But those remarks touched on wider realities and were usually important acknowledgments of the fury that many Americans were feeling.

Imagine that he instead stood mute or told those Americans to treat the killings as isolated incidents and quietly move on. That might well have raised the temperature, not lowered it.

Besides which, he hasn't discussed *only* discrimination. In Warsaw last week, when he expressed concern about the deaths of Sterling and Castile, he repeatedly mentioned the fine work of most police officers and the need to keep them safe.

“When people say black lives matter, that doesn't mean blue lives don't matter,” he said, and this was *before* the Dallas carnage. His critics edit that out.

They point to data like a Gallup poll from three months ago in which 35 percent of Americans said that they worried “a great deal” about race relations. That number had doubled over the prior two years, a period coinciding with the rise of the Black Lives Matter movement. It was also the highest number since Gallup first began asking this question 15 years ago.

But it may well reflect alarm about how we navigate an overdue conversation rather than a belief that the conversation lacks merit. It's surely the outgrowth of technological advances. Ask yourself: Are these protests the consequence of Obama's words or of smartphone images and their documentation of events never glimpsed so intimately and immediately before? There's no contest. It's also possible that the election of the first black president gave some wishful Americans hope of suddenly perfect racial harmony and that the current bitterness grew in the gap between expectations and reality. That's not Obama's fault.

If he were an "aggrieved black activist," he wouldn't have been able to shrug off Joe Biden's 2007 comment that he was "the first mainstream African-American who is articulate and bright and clean" and then make Biden his vice president and friend.

If he were an "aggrieved black activist," he wouldn't have used his graduation speech at Howard University in May to caution its black students not to ignore enormous racial progress and to assure them that if they could choose a time to be "young, gifted and black in America, you'd choose right now."

If he were an "aggrieved black activist," he wouldn't have pulled off what he did in Dallas on Tuesday, a nuanced balancing act in an era without much nuance or balance.

Just before his speech, Michelle Obama bent toward and reached out to the person seated to her right. That tender image — of her hand on George W. Bush's — is one I'll hold on to, and it's a fitting retort to the nonsense that Obama is sowing hate.

Усугубил ли Барак Обама межрасовые отношения?

(<http://inosmi.ru/politic/20160713/237178173.html>)

13.07.2016

Президентский срок Барака Обамы вызывает у меня множество тревожных сомнений. Я обеспокоен тем, что он слишком быстро растратил политический капитал на реформу медицинского страхования (Obamacare). Что он слишком увлекся исправлением внешнеполитического хаоса, оставленного его предшественником. Что он слишком открыто демонстрировал презрение к Конгрессу.

Но меня возмущают утверждения о том, что он привел к обострению расовых противоречий и расширил расовый раскол в стране. Это слишком упрощенное толкование происходящего и попытка переложить чрезмерную вину на человека, который должен выступать от имени всех американцев — иногда неудачно, иногда вполне со знанием дела.

Эта жалоба последовала за ним в Даллас, куда он прибыл во вторник, чтобы выступить на церемонии в память о пяти полицейских, убитых снайпером. Президент прибыл не только для того, чтобы хвалить их — что он сделал блестяще. Он хотел поддержать нацию, потрясенную убийством полицейских так же, как была перед этим потрясена гибелью Элтона Стерлинга в Луизиане и Филандо Кастиле в Миннесоте.

Президент изобразил положительный портрет полицейских и обратился с просьбой представить себя на их месте. Затем он попытался объяснить, почему так много

афроамериканцев считают, что их несправедливо преследуют.

«Можем ли мы, как американцы, найти достаточно добродетели, чтобы открыть сердца друг другу?» — спросил он. Возможно, ранее он не формулировал этот вопрос именно так, но, как мне кажется, он имеет ввиду именно это.

Его самые жесткие критики сделали вид, что услышали нечто иное, и указали на его упоминания о расовой диспропорции в уголовной статистике, чтобы обвинить президента в доведении страны до кипения.

Всего за несколько минувших дней президента обвинили в том, что он потакает «фундаментально ошибочному представлению об американском обществе, как о несправимо расистском», в последовательном выборе точки зрения «обиженного черного активиста», а также в том, что он оказался, вероятно, «худшим президентом США в истории страны», так как он отбросил межрасовые отношения на 50 лет назад.

Действительно, Обама иногда говорил о дискриминации до того, как становились известны все факты об убийстве. Но эти ремарки касались более широких отношений и обычно служили важным признанием гнева, испытываемого многими американцами.

Представьте себе, что он промолчал бы или сказал бы американцам считать эти происшествия изолированными инцидентами и жить дальше. В итоге страсти, скорее, накалились бы, а не остыли.

Кроме того, президент обсуждал не только дискриминацию. На прошлой неделе в Варшаве, выражая обеспокоенность в связи с гибелью Стерлинга и Кастиле, он также постарался высоко оценить работу большей части полиции и подчеркнуть необходимость обеспечить безопасность полицейских.

«Когда люди говорят, что жизнь черных имеет значение, это не означает, что жизнь синих значения не имеет», — сказал он еще до бойни в Далласе. Его критики игнорируют этот факт.

Они приводят сведения вроде проведенного Gallup три месяца назад опроса, согласно которому, 35% американцев испытывают серьезные опасения в связи с межрасовыми отношениями. За два года, то есть, за время развития движения «Жизнь черных имеет значение», их число увеличилось в два раза. И это наивысший показатель за 15 лет, в течение которых Gallup проводит такой опрос.

Но это также может отражать озабоченность в связи с тем, как мы ведем этот сложный разговор, а не то, что разговор вообще не имеет преимуществ. Это совершенно точно результат технологического развития. Спросите себя, что вызвало протесты — слова Обамы

или распространяемые смартфонами фотографии и свидетельства о происшествиях, никогда ранее не появлявшихся моментально и не достигавших каждого. Это неоспоримо.

Нельзя также исключить, что избрание первого черного президента США вдохнуло во многих наивных американцев надежды на внезапное образование расовой гармонии, и нынешняя горечь порождена разрывом между ожиданиями и реальностью. Обама в этом не виноват.

Будь Обама «обиженным черным активистом», он бы не смог отмахнуться в 2007 году от слов Джо Байдена, назвавшего его «первым афроамериканцем, научившимся четко и ясно разговаривать», и сделать Байдена вице-президентом и своим другом.

Если бы он был «обиженным черным активистом», он не стал бы, выступая в мае на церемонии выпуска Гарвардского университета предупредить черных студентов о том, что не следует игнорировать огромный расовый прогресс, а также не стал бы говорить им, что не было лучшего времени для молодых и талантливых черных американцев.

Если бы он был «обиженным черным активистом», он не стал бы говорить в Далласе о том, что сказал, произнося сбалансированную речь с вниманием к мелочам в эпоху отсутствия баланса и внимания к нюансам.

Перед его выступлением Мишель Обама наклонилась и коснулась человека, сидевшего рядом с ним. Меня поддерживает фотография, запечатлевшая, как она держит за руку Джорджа Буша. Это отличное доказательство глупости утверждения о том, что Обама сеет ненависть.

Приложение 2

What the G.O.P. Wants Trump to Say Tonight

(https://www.nytimes.com/2017/02/28/opinion/what-the-gop-wants-trump-to-say-tonight.html?_r=1)

Editorial: Tom Cole FEB. 28, 2017

WASHINGTON — When he addresses Congress for the first time on Tuesday night, Donald J. Trump will do so as one of the most untraditional and unexpected presidents in American history. The election, however close, was a decisive statement by the American people against the status quo, an expression of the hope that he would break the stalemate in Washington and lead the country in a new direction.

Mr. Trump can take pride in his cabinet choices, the deregulatory thrust he and the Republican Congress have initiated and the boldness he has shown in shaking up the established order and the elites in Washington. His decision to push ahead on the Keystone pipeline is the triumph of common sense over environmental orthodoxy. And his nomination of Judge Neil Gorsuch to the Supreme Court is a master stroke that conservatives celebrate and even liberal jurists respect.

I have no doubt that President Trump will spend much of his speech making the case for three initiatives that are already underway in Congress: the rebuilding of the military, the repeal and replacement of the failing Affordable Care Act and the long overdue reform of the tax code. And he will surely discuss his proposals for something most Americans strongly favor — enhanced border security.

However, President Trump will need to do more than merely wait upon a Republican Congress to produce the legislation he has championed. He must become an active participant in the legislative process.

There are many knotty issues that must be resolved with respect to all these points in his agenda. How much money will be pumped into the Pentagon, and will it be offset by reduced spending on domestic priorities such as early childhood education, biomedical research and clean drinking water?

Do Republicans finance their new health care system by keeping some of the Obamacare taxes or, as some suggest, taxing upper-end health insurance plans — an idea they previously opposed?

And will the tax cuts Republicans have advocated be made permanent and paid for by a “border adjustment tax” on imports, or phased out at the end of a decade, as was the case with the George W. Bush tax cuts?

There are divisions within Republican ranks in Congress on all these issues. Many support a border-adjustment tax, for example, but a large number passionately oppose the idea. Only presidential leadership can resolve them. And resolving each issue will require President Trump to take ownership of the final decision and sell it to different factions within the Republican Party, and to the country as a whole. Presidents must lead, and leadership will be required to meet the objectives Mr. Trump has laid out.

There are other initiatives I hope the president addresses in this speech and those to come. In the opinion of many on both sides of the aisle, President Obama conducted unauthorized and therefore illegal wars in Libya, Syria and other parts of the Middle East. A new effort against the Islamic State requires a new congressional authorization for the use of force. President Trump should ask for it.

Preserving Social Security, Medicare and Medicaid and putting America on a sound fiscal footing requires the reform of the entitlement system. President Trump should embrace that cause. Ronald Reagan did it with respect to Social Security, and won 49 states in his re-election. And as much as all Americans embrace President Trump’s call for enormous new investments in infrastructure, he owes the country an explanation of how he is going to pay for it. President Dwight D. Eisenhower did just that when he built the Interstate System of highways.

Finally, there is the vexing issue of illegal immigration. President Trump is right to focus first on border security. Previous administrations have promised to do so, yet failed to deliver. And he is correct to demand that those who entered America illegally and committed serious crimes be deported.

But that’s just the start. Once the public is convinced that these tasks are being undertaken, the president will have to decide what to do with those who entered the country illegally but, once here, have obeyed the law, contributed to our economy and often had children who are citizens. Eventually, the president will have to address this issue in a manner which is practical, just and comprehensive. No previous president has managed to do so. Given his reputation for toughness on immigration, Mr. Trump might have the credibility to create a consensus.

Our last two presidents tried and failed to unite the country. Indeed, each left it more divided than he found it. President Trump instead has opted to do big things in the hope that by achieving them he can renew the American spirit and bring the country together through deeds, not words. It is a worthy goal. Every American should hope he succeeds.

Каких слов Республиканская партия ждет сегодня от Трампа

(<http://inosmi.ru/politic/20170228/238797559.html>)

28.02.2017

Вашингтон. — Дональд Трамп, впервые выступающий во вторник вечером в конгрессе, это один из самых необычных и неожиданных президентов в американской истории. Выборы, на которых кандидаты показали очень близкие результаты, стали решительным выступлением американского народа против существующего положения вещей, выражением надежды на то, что Трамп сумеет найти выход из тупиковой ситуации в Вашингтоне и поведет страну в новом направлении.

Трамп может гордиться людьми, которых он назначил на должности в своем кабинете, усилиями по дерегулированию, которые он начал вместе с республиканским конгрессом, и той смелостью, с которой он перетряхивает устоявшийся порядок и вашингтонскую элиту. Его решение возобновить строительство трубопровода Keystone стало победой здравого смысла над природоохранной ортодоксией. А назначение судьи Нила Горсача (Neil Gorsuch) в Верховный суд было мастерским ходом, которому порадовались консерваторы, и к которому с уважением отнеслись даже либеральные юристы.

Я не сомневаюсь, что большую часть своего выступления президент Трамп посвятит трем инициативам, уже находящимся на рассмотрении в конгрессе. Это укрепление армии, отмена неудачного Закона о доступном медицинском обслуживании с поиском замены, а также давно уже назревшая реформа налогового законодательства. И уж конечно он расскажет о своих предложениях, касающихся укрепления границ, на чем настаивает большинство американцев.

Но президент Трамп не может просто ждать, когда республиканский конгресс утвердит те законопроекты, за которые он выступает. Ему придется сделать нечто большее. Он должен стать активным участником законотворческого процесса.

В его повестке есть немало сложных и запутанных вопросов, которые надо решить для реализации выдвигаемых инициатив. Сколько денег выделить Пентагону, и будут ли эти затраты компенсированы за счет сокращения расходов на внутренние приоритеты, такие как воспитание и обучение детей в раннем детстве, биомедицинские исследования и обеспечение населения чистой питьевой водой?

Как будут республиканцы финансировать свою новую систему здравоохранения: сохранив некоторые налоги из Obamacare или, как предполагают некоторые эксперты, обложив налогом планы медицинского страхования людей с высокими доходами, против чего они выступали прежде?

Станут ли постоянными те налоговые сокращения, за которые ратуют республиканцы, или от них постепенно откажутся в конце десятилетия, как было со снижением налогов

при Джордже Буше? И за счет чего будут обеспечены дополнительные поступления в казну после такого сокращения — за счет пограничной налоговой корректировки на импорт?

По всем этим вопросам в рядах республиканцев существуют разногласия. Так, многие поддерживают пограничную налоговую корректировку, однако немало и тех, кто яростно противится этой идее. Разрешить спор между ними может только президент как лидер страны. А чтобы решить все вопросы, Трампу придется самому принимать окончательные решения, отвечать за них и убеждать в их правильности различные фракции внутри Республиканской партии и страну в целом. Президент должен быть лидером, и лидерство будет ему крайне необходимо для достижения тех целей, которые он изложил.

Я надеюсь, что президент в этой речи и в будущих выступлениях уделит внимание и другим инициативам. По мнению многих конгрессменов из обеих партий, президент Обама вел несанкционированные, а поэтому незаконные войны в Ливии, Сирии и других странах Ближнего Востока. Новые усилия в борьбе против «Исламского государства» (*запрещенная в России организация — прим. пер.*) потребуют новых санкций конгресса на применение силы. И президент Трамп должен получить их.

Чтобы сохранить социальное страхование, государственное медицинское обслуживание престарелых и федеральную систему медицинской помощи неимущим, а также дать Америке прочный налогово-бюджетный фундамент, нужна реформа в системе социальных выплат и пособий. Президент Трамп должен взяться за это дело. Рональд Рейган сделал это в отношении социального страхования и во время переизбрания победил в 49 штатах. А поскольку все американцы поддержали призыв президента Трампа вложить огромные инвестиции в инфраструктуру, он обязан объяснить стране, откуда возьмет эти деньги. Когда президент Дуайт Эйзенхауэр приступил к строительству сети федеральных автомагистралей между штатами, он именно так и поступил.

И наконец, есть очень сложная проблема нелегальной иммиграции. Президент Трамп совершенно правильно обращает первоочередное внимание на безопасность на границе. Прежние администрации обещали это сделать, но добиться результатов так и не смогли. Кроме того, он абсолютно прав, когда требует депортировать тех, кто проник в Америку нелегально и совершил здесь серьезные преступления.

Но это только начало. Когда общество убедится в том, что поставленные задачи решаются, президенту придется подумать о том, как поступать с людьми, приехавшими в США нелегально, но соблюдающими здесь все законы, вносящими свою лепту в экономику страны и родившими детей, которые стали нашими гражданами. Со временем президенту придется заняться этим вопросом, действуя практично, справедливо и всесторонне. Прежде ни одному президенту это не удавалось. Трамп со своей репутацией жесткого в вопросах иммиграции руководителя может создать в стране консенсус.

Последние два американских президента пытались сплотить нашу страну, но не сумели этого сделать. После каждого из них страна становилась еще более расколотой, чем раньше. Президент Трамп решил действовать масштабно в надежде на то, что если ему удастся добиться поставленных целей, он сумеет возродить американский дух и объединить страну не словами, а делами. Это достойная цель. И каждый американец должен надеяться на его успех.

Приложение 3

Calling On a Few Good Men

https://www.nytimes.com/2017/03/22/opinion/calling-on-a-few-good-men.html?rref=collection%2Fcolumn%2Fthomas-l-friedman&action=click&contentCollection=opinion%2C%2Eion=stream&module=stream_unit&version=latest&contentPlacement=1&pgtype=collection&_r=0

Editorial: Thomas L. Friedman MARCH 22, 2017

Memo To: Secretary of Defense James Mattis, National Security Adviser H. R. McMaster, Secretary of Homeland Security John Kelly, C.I.A. Director Mike Pompeo and Secretary of State Rex Tillerson

Dear Sirs, I am writing you today as the five adults with the most integrity in the Trump administration. Mattis, McMaster and Kelly, you all served our nation as generals in battle. Pompeo, you graduated first in your class at West Point and served as a cavalry officer. Tillerson, you ran one of America's largest companies.

I am writing you directly because I believe you are the last "few good men" who can stand up and reverse the moral rot that has infected the Trump administration from the top.

The last time our country faced such a cancer on the presidency, the Republican Party's leadership stood up and put country before party to get to the truth. But today's G.O.P. is a pale imitation of that party. With a few exceptions, it has declared moral bankruptcy and abdicated its responsibility to draw any red lines for President Trump.

To begin, I ask those of you who honored our country as military officers how you would have reacted if your commanding officer had charged his predecessor with a high crime that violated his constitutional oath — and then a few weeks later this charge was exposed as false by the top military judge advocate?

And Secretary Tillerson, how would your former corporate board have reacted if a top executive at Exxon Mobil had accused a predecessor of a major act of malfeasance and the F.B.I. then told the board the claims were false?

Would you military men have simply said, "Sorry, I just do artillery" or "I'm just staying in my lane"? And Secretary Tillerson, would you only have said, "I just do diplomacy"?

Knowing some of you, I'd like to think not. I'd like to think that you would have taken so seriously your oath to preserve and protect the Constitution, or abide by the highest corporate standards, that you'd have felt impelled to say or do something.

Well, your boss has engaged in such a smear against his predecessor. But Trump's party, his daughter, his sons, his son-in-law, his chief strategist, his spokespeople all want us to just move on, to give him a pass, and his attorney general is already so tainted that he's had to recuse himself.

And that is why I'm coming to you few good men.

I'm not asking you to quit; I'm asking you to act — to collectively or individually sit the president down and make clear that you can't effectively advance our national security unless he does the right thing and apologizes to President Obama, and unless he releases his tax returns to eliminate any questions regarding what we now know is already an eight-month-old F.B.I. investigation into possible collusion between the Kremlin and Trump's campaign to hack our last election.

Surely none of you believes it's O.K. for a president to smear his predecessor and then stand by the charge even when it is exposed as a lie.

I'm now in Paris, after almost a week in the United Arab Emirates. I have to tell you, the world is watching.

I had several young Arabs from around the region tell me that when America lets its own leader get away with lying, hiding information and smearing the press or a political opponent, it is taken as a license by all Middle Eastern leaders, or the leaders of Turkey or Russia, to do the exact same thing and say: "See, the American president does it, why shouldn't we?"

There is a profound sense of loss in the world today that the optimistic, inclusive, generous, rule-of-law America that so many foreigners grew up admiring is disappearing. A poll by Germany's ARD media group found that the percentage of Germans who think the U.S. is a "trustworthy ally" dropped from 59 percent in November to 22 percent last month.

Trump inherited a "daunting inbox" in foreign policy, but unfortunately "he is making it much worse," said Richard Haass, president of the Council on Foreign Relations and author of a valuable new book, "A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order." Trump's embrace of "protectionism and hostility to immigrants — when the real culprit is new technologies that are eliminating existing jobs and an educational system that is not preparing Americans for new ones — and his rhetoric and policies are increasing doubts overseas about American dependability." Without an urgent course correction, added Haass, we could end up "not with America first, but with America alone."

Preventing that is the job of you five good men. I'm certain that none of you would let your children behave with the kind of dishonesty Trump showed in his tweets about Obama — and then just walk away. If you did that you'd consider yourself a failure as a parent. The same is now at stake for you as public servants.

If you say and do nothing when the nation's leader smears his predecessor — and then maintains his fantasy as fact — not only will *he* never have the credibility to call on any other country to uphold the highest standards for rule of law, democracy and human rights, *but neither will all of you*. We will become a lesser country and the world a more dangerous place.

Обращение к "хорошим парням"

(<http://inosmi.ru/politic/20170323/238949681.html>)

23.03.2017

Мое обращение к министру обороны Джеймсу Мэттису, советнику по национальной безопасности Макмастеру, министру внутренней безопасности Джону Келли, директору ЦРУ Майку Помпео и государственному секретарю Рексу Тиллерсону.

Уважаемые господа, пишу вам, как самым честным взрослым в администрации Трампа. Мэттис, МакМастер и Келли, вы служили нашей стране боевыми генералами. Помпео, вы стали лучшим на своем курсе в Военной академии США и были офицером кавалерии. Тиллерсон, вы управляли одной из крупнейших компаний в Америке.

Я пишу вам, поскольку уверен: вы — те последние «хорошие парни», которые могут остановить моральное разложение, инфицировавшее администрацию Трампа с верхушки.

В последнее время наша страна поражена раковой опухолью президентства. Сегодняшняя Республиканская партия — бледное подобие себя самой. Если не считать некоторые

исключения, она продемонстрировала моральное банкротство и отказалась от ответственности за сдерживание президента Трампа.

Для начала, позвольте спросить вас, удостоивших нашу страну своей службой, как вы отреагировали бы, если бы командир обвинил своего предшественника в преступлении, а спустя несколько недель главный военный прокурор доказал ложность этого обвинения?

Секретарь Тиллерсон, что сделал бы ваш прежний корпоративный совет, если бы глава Exxon Mobil обвинил своего предшественника в серьезном должностном преступлении, а в ФБР сообщили, что это клевета?

Вы, военные, неужели просто сказали бы: «Простите, я ведь артиллерист» или «Я лишь соблюдаю инструкции?» Секретарь Тиллерсон, вы сказали бы «Я обычный дипломат?»

Зная вас, думаю, что нет. По крайней мере, надеюсь, что вы серьезно отнеслись бы к клятве соблюдать и защищать Конституцию или следовать самым высоким корпоративным стандартам, что почувствовали бы свою обязанность что-то сказать или сделать.

Ну так вот: ваш босс накинулся на своего предшественника. Но партия Трампа, его дочь, сыновья, зять, главный стратег и спикеры хотят, чтобы мы все просто жили дальше, сделали для него исключение, а военный прокурор оказался настолько прогнившим, что сам отказался от своих слов.

Поэтому я и обращаюсь к нескольким хорошим парням.

Я не прошу вас уволиться. Я прошу вас действовать: вместе или по одному прийти к президенту и объяснить, что он не может защищать национальную безопасность, пока не извинится перед президентом Обамой. И пока он не покажет свои налоговые декларации, чтобы снять все вопросы о восьмимесячном (как мы узнали) расследовании ФБР относительно возможного сговора между Кремлем и Трампом с целью повлиять на наши выборы.

Конечно, никто из вас не считает нормальным клеветать предшественника и настаивать на обвинениях, даже когда стало известно, что это ложь.

Сейчас я в Париже, затем лечу в Объединенные Арабские Эмираты. И должен сказать, что мир следит за происходящим.

Несколько молодых арабов уверены: если США позволяют своему лидеру безнаказанно врать, скрывать информацию и клеветать на прессу или политических оппонентов, они выдают индульгенцию и средневосточным лидерам, президентам Турции и России на то же самое. Они могут сказать: «Видите, американский президент тоже так себя ведет, так что нам мешает?».

Сегодня мир чувствует, как теряет оптимистичную, свободную от предрассудков, щедрую Америку, которой правит закон, и которой восхищались иностранцы. Опрос немецкой медиа группы ARD показал, что процент немцев, считающих США надежным союзником, за четыре месяца упал с 59% до 22%.

В наследство Трампу досталось немало проблем во внешней политике, но, к сожалению, «он лишь ухудшает ситуацию», как сказал Ричард Хаас, глава Совета по международным отношениям и автор новой полезной книги «Мир хаоса»: Американская внешняя политика и кризис старого порядка». Приверженность Трампа «протекционизму и враждебности к иммигрантам в то время, когда реальной причиной проблем являются новые технологии, стирающие существующие профессии, и образовательная система, не готовящая американцев к новым, его риторика и политика усиливают сомнения в благонадежности США. «Без срочной смены курса, — добавил Хаас, — мы можем прийти не к «Америке прежде всего», а к «Америка сама по себе».

Предотвратить это — задача для пятерых хороших парней. Я уверен, что никто из вас не позволил бы своим детям остаться безнаказанными после такого же нечестного поступка, как трамповский в отношении Обамы. Сделай вы так, думаю, вы почувствовали бы себя плохими родителями. То же сейчас касается вас как госслужащих.

Если вы ничего не делаете, когда лидер нации лжет о своем предшественнике и считает свою фантазию фактом, не только он больше никогда не сможет призывать другие страны следовать высочайшим стандартам верховенства права, демократии и защиты прав человека, но и вы тоже. Мы потеряем свое влияние, а мир станет более опасным местом.

Приложение 4

Why Is Trump Fighting ISIS in Syria?

(https://www.nytimes.com/2017/04/12/opinion/why-is-trump-fighting-isis-in-syria.html?ref=opinion&_r=0)

Editorial: Thomas L. Friedman APRIL 12, 2017

The Trump foreign policy team has been all over the map on what to do next in Syria — topple the regime, intensify aid to rebels, respond to any new attacks on innocent civilians. But when pressed, there is one idea everyone on the team seems to agree on: “The defeat of ISIS,” as Secretary of State Rex Tillerson put it.

Well, let me add to their confusion by asking just one question: Why?

Why should our goal right now be to defeat the Islamic State in Syria? Of course, ISIS is detestable and needs to be eradicated. But is it really in our interest to be focusing solely on defeating ISIS in Syria right now?

Let’s go through the logic: There are actually two ISIS manifestations.

One is “virtual ISIS.” It is satanic, cruel and amorphous; it disseminates its ideology through the internet. It has adherents across Europe and the Muslim world. In my opinion, that ISIS is the primary threat to us, because it has found ways to deftly pump out Sunni jihadist ideology that inspires and gives permission to those Muslims on the fringes of society who feel humiliated — from London to Paris to Cairo — to recover their dignity via headline-grabbing murders of innocents.

The other incarnation is “territorial ISIS.” It still controls pockets in western Iraq and larger sectors of Syria. Its goal is to defeat Bashar al-Assad’s regime in Syria — plus its Russian, Iranian and Hezbollah allies — and to defeat the pro-Iranian Shiite regime in Iraq, replacing both with a caliphate.

Challenge No. 1: Not only will virtual ISIS, which has nodes all over the world, not go away even if territorial ISIS is defeated, I believe virtual ISIS will become yet more virulent to disguise the fact

that it has lost the territorial caliphate to its archenemies: Shiite Iran, Hezbollah, pro-Shiite militias in Iraq, the pro-Shiite Assad regime in Damascus and Russia, not to mention America.

Challenge No. 2: America's goal in Syria is to create enough pressure on Assad, Russia, Iran and Hezbollah so they will negotiate a power-sharing accord with moderate Sunni Muslims that would also ease Assad out of power. One way to do that would be for NATO to create a no-fly safe zone around Idlib Province, where many of the anti-Assad rebels have gathered and where Assad recently dropped his poison gas on civilians. But Congress and the U.S. public are clearly wary of that.

So what else could we do? We could dramatically increase our military aid to anti-Assad rebels, giving them sufficient anti-tank and anti-aircraft missiles to threaten Russian, Iranian, Hezbollah and Syrian helicopters and fighter jets and make them bleed, maybe enough to want to open negotiations. Fine with me.

What else? We could simply back off fighting territorial ISIS in Syria and make it entirely a problem for Iran, Russia, Hezbollah and Assad. After all, they're the ones overextended in Syria, not us. Make them fight a two-front war — the moderate rebels on one side and ISIS on the other. If we defeat territorial ISIS in Syria now, we will only reduce the pressure on Assad, Iran, Russia and Hezbollah and enable them to devote all their resources to crushing the last moderate rebels in Idlib, not sharing power with them.

I don't get it. President Trump is offering to defeat ISIS in Syria *for free* — and then pivot to strengthening the moderate anti-Assad rebels. Why? When was the last time Trump did anything for free? When was the last real estate deal Trump did where he volunteered to clean up a toxic waste dump — for free — *before* he negotiated with the owner on the price of the golf course next door?

This is a time for Trump to be Trump — utterly cynical and unpredictable. ISIS right now is the biggest threat to Iran, Hezbollah, Russia and pro-Shiite Iranian militias — because ISIS is a Sunni terrorist group that plays as dirty as Iran and Russia.

Trump should want to defeat ISIS in Iraq. But in Syria? Not for free, not now. In Syria, Trump should let ISIS be Assad's, Iran's, Hezbollah's and Russia's headache — the same way we encouraged the mujahedeen fighters to bleed Russia in Afghanistan.

Yes, in the long run we want to crush ISIS everywhere, but the only way to crush ISIS and keep it crushed on the ground is if we have moderate Sunnis in Syria and Iraq able and willing to replace it. And those will only emerge if there are real power-sharing deals in Syria and Iraq — and that will only happen if Assad, Russia, Iran and Hezbollah feel pressured to share power.

And while I am at it, where is Trump's Twitter feed when we need it? He should be tweeting every day this message: "Russia, Iran and Hezbollah have become the protectors of a Syrian regime that uses poison gas on babies! Babies! Russia, Iran, Hezbollah, Assad — poison gas enablers. Sad."

Do not let them off the hook! We need to make them own what they've become — enablers of a Syria that uses poison gas on children. Believe it or not, they won't like being labeled that way. Trump needs to use his global Twitter feed strategically. Barack Obama never played this card. Trump needs to slam it down every day. It creates leverage.

Syria is not a knitting circle. Everyone there plays dirty, deviously and without mercy. Where's that Trump when we need him?

Почему Трамп борется с ИГИЛ в Сирии?

<http://inosmi.ru/politic/20170413/239132345.html>

13.04.2017

Команда Трампа, разрабатывающая внешнюю политику, перебрала все варианты поведения в Сирии — свержение режима, активизация помощи повстанцам, ответ на атаку невинных граждан. Но под давлением все соглашаются с идеей «Победы над ИГ (*запрещенная в России организация — прим. ред.*)», как высказался госсекретарь Рекс Тиллерсон.

Позвольте и мне подбросить дров в эту растерянность, спросив: «Почему?».

Почему сейчас задачей США должна быть победа над «Исламским государством» в Сирии? Конечно, ИГ отвратительно и его нужно искоренить. Но действительно ли это сейчас в наших интересах — сосредоточиться на победе над ИГ в Сирии?

Давайте проанализируем логику: на самом деле существует два проявления ИГ.

Первое — «виртуальное Исламское государство». Это дьявольская, жестокая, аморфная организация, распространяющая свою идеологию через интернет. Ее адепты разбросаны по всей Европе и мусульманскому миру. По-моему, именно в таком проявлении она опаснее для нас, потому что нашла способ развивать суннитскую джихадистскую идеологию, которая вдохновляет и позволяет оказавшимся на обочине общества и считающим себя недооцененными мусульманам от Лондона до Парижа и Каира восстановить свое достоинство с помощью громких убийств невинных.

Еще одно проявление — «территориальное ИГ», до сих пор контролирующее часть западного Ирака и значительную территорию Сирии. Цель — свергнуть режим Башара Асада в Сирии вместе с его союзниками из России, Ирана и Хезболлы, свергнуть проиранский шиитский режим в Ираке и заменить и тот, и другой халифатом.

Проблема №1. Виртуальный ИГ со своей сетью по всему миру никуда не денется, даже если победить территориальный. При этом он может стать еще опаснее в попытках скрыть поражение территориального халифата перед заклятыми врагами: шиитским Ираном, Хезболлой, прошиитскими войскам Ирака, прошиитским режимом Асада в Дамаске и России, не говоря уже о США.

Проблема №2. Цель США в Сирии — создать достаточно сильное давление на Асада, Россию, Иран и Хезболлу, чтобы заставить их согласиться на переговоры о разделении власти с умеренными суннитами и избавиться от Асада у власти. Чтобы это сделать, НАТО может создать зону, свободную от полетов, вокруг провинции Идлиб, где собираются повстанцы, выступившие против режима Асада, и в которой Асад недавно использовал химическое оружие. Но Конгресс и американская общественность к этому относятся с опаской.

Так что еще мы можем сделать? Мы могли бы значительно увеличить нашу военную помощь сирийским повстанцам, дав подходящие противотанковые и противовоздушные ракеты, которые стали бы угрозой для вертолетов и истребителей России, Ирана, Хезболлы и сирийской армии, пустив последним кровь, и заставить пойти на переговоры. Меня это устраивает.

Что еще? США могли бы просто прекратить сражаться с ИГ в Сирии, позволив России, Ирану и Хезболле с Асадом разбираться самим. В конце концов, это они наводнили Сирию, а не американцы. Пускай они сражаются на два фронта: против умеренных повстанцев с одной стороны и ИГ — с другой. Если мы победим ИГ, мы лишь ослабим давление на Асада, Иран, Россию и Хезболлу и дадим им возможность направить все свои силы против повстанцев в Идлибе, чтобы не пришлось делить с ними власть.

Я не понимаю. Президент Трамп предлагает победить Исламское государство просто так — и потом начать помогать умеренным повстанцам. Почему? Когда Трамп вообще в последний раз делал что-то просто так? Когда во время последней сделки Трамп согласился по собственной воле убрать токсичные отходы — бесплатно — до того, как договорился о цене с хозяином соседнего поля для гольфа?

Сейчас самое время Трампу быть Трампом — непредсказуемым и циничным. Сейчас Исламское государство — самая большая угроза для Ирана, Хезболлы, России и проишиитских иранских группировок, потому что ИГ — это суннитская террористическая организация, которая играет по тем же грязным правилам, что и Россия с Ираном.

Трампу стоит захотеть победить ИГ в Ираке. Но в Сирии? Не бесплатно, не сейчас. В Сирии эту головную боль Трамп должен оставить Асаду, Ирану, Хезболле и России. Так же, как мы заставили боевиков-моджахедов сражаться с Россией в Афганистане.

Конечно, в долгосрочной перспективе мы хотим уничтожить ИГ везде, но единственный способ его победить и заставить оставаться в могиле — заменить его умеренными суннитами в Сирии и Ираке. А это получится, только если дать суннитам часть власти в Ираке и Сирии. Это, в свою очередь, возможно, если удастся заставить Асада, Иран, Россию и Хезболлу поделиться властью.

И пока все это происходит, где Twitter Трампа, когда он так нужен? Он каждый день должен чирикать: «Россия, Иран и Хезболла стали защитниками сирийского режима, который травит газом детей! Детей! Россия, Иран, Хезболла и Асад — движущая сила газовых атак. Грустно».

Не подведи их! Мы должны дать понять, чем они стали — пособниками Сирии, использующей газ против детей. Верьте или нет, но им не понравится такое клеймо. Трамп должен стратегически использовать свою глобальную Twitter-ленту. Барак Обама никогда этого не делал. Трамп должен создавать этот шум каждый день. Это создаст рычаги давления. Сирия — не клуб для вязания. Там каждый играет грязно, коварно и безжалостно. Так, где же этот Трамп, когда он нужен?

Приложение 5

What's the Matter With Europe?

(https://www.nytimes.com/2017/05/05/opinion/european-union-france-election.html?_r=1)

Editorial: Paul Krugman MAY 5, 2017

В воскресенье во Франции состоится второй тур президентских выборов. Большинство обозревателей полагают, что центрист Эммануэль Макрон одержит победу на белой националисткой Марин Ле Пен (хватит облагораживать факты, называя это популизмом; пора назвать вещи своими именами). Я уверен: правила *New York Times* позволят мне заявить прямо, что я очень надеюсь на победу здравого смысла. Победа Ле Пен станет катастрофой для Европы и для всего мира.

Однако мне кажется, что было бы справедливо задать пару вопросов о том, что происходит. Во-первых, как мы до этого дошли? Во-вторых, не станет ли поражение Ле Пен лишь временной передышкой от продолжающегося в Европе кризиса?

Немного истории. Как и все остальные по эту сторону Атлантики, я часто смотрю на Францию через очки Трампа. Но важно понять, что несмотря на большие различия в базовых экономических и социальных тенденциях, между французской и американской политикой существуют сходства.

Для начала, во Франции довольно успешная экономика, хотя о ней исключительно плохо пишет пресса. В основном это делают идеологи, настаивающие на том, что щедрые социально-направленные государства обязательно должны столкнуться с катастрофическими последствиями. Хотите верьте, хотите нет, но у взрослого француза в активном трудоспособном возрасте (от 25 до 54 лет) гораздо больше шансов получить хорошо оплачиваемую работу, чем у его американского собрата.

Французы также ничуть не менее производительны. Да, в целом в расчете на человека они производят примерно на четверть меньше, чем мы. Но объясняется это главным образом тем, что у них длиннее отпуска, а на пенсию они выходят раньше. Совершенно очевидно, что в этом нет ничего плохого.

И хотя во Франции, как и в остальных странах, постепенно сокращается число рабочих мест в сфере производства, там не было ничего подобного «китайскому шоку», который в начале 2000-х годов резко обрушил занятость в сфере производства в США.

То есть, экономика во Франции не то, чтобы великолепна, но и в то же время не так уж и ужасна. Но есть в ней кое-что еще. Во Франции существует мощная система социальной защиты населения, о которой американские прогрессивисты могут только мечтать. Это гарантированное высококачественное здравоохранение для всех, щедрые пособия по уходу за новорожденными детьми, система детских садов для всех желающих и многое другое.

И последнее — по очереди, но не по значению. Из-за этих различий в политике, а может, по другим причинам, во Франции нет ничего подобного тому социальному коллапсу, который поразил большую часть белой Америки. Да, у Франции есть серьезные социальные проблемы. А у кого их нет? Но там нет и намека на всплеск «смертей от отчаяния», какой мы наблюдаем среди белого рабочего класса США, и о котором пишут Энн Кейс (Anne Case) и Энгус Дитон (Angus Deaton).

Короче говоря, счастливой утопией Францию не назовешь, однако она почти по любым меркам обеспечивает своим гражданам вполне приличную жизнь. Так почему же так много людей, которые готовы проголосовать за расистку и экстремистку (опять же, хватит прибегать к эвфемизмам)?

Безусловно, причин здесь множество, и в первую очередь это обеспокоенность общества по поводу иммигрантов-мусульман. Но уже сегодня ясно, что часть голосов за Ле Пен это голоса протеста против бесцеремонных и оторвавшихся от реальности чиновников, которые

заправляют Евросоюзом. К сожалению, в представлениях этих избирателей присутствует элемент правды.

Те из нас, кто следил, как европейские институты боролись с долговым кризисом, который начался в Греции, а потом распространился на многие страны Европы, были просто потрясены повсеместной черствостью и высокомерием.

Хотя Брюссель и Берлин снова и снова ошибались в своих экономических расчетах (проводимая ими политика затягивания поясов оказалась настоящей экономической катастрофой, как и предупреждали критики), они продолжали действовать так, будто знали ответы на все вопросы, будто страдания людей это по сути необходимое наказание за прошлые грехи.

В политическом плане еврочиновникам все сошло с рук, потому что маленькие страны легко можно запугать, потому что им страшно лишиться европейского финансирования, и они не в силах сопротивляться непомерным требованиям. Но европейская элита совершит ужасную ошибку, если поверит, что сможет вести себя точно так же и с крупными игроками. На переговорах, которые идут в настоящее время между ЕС и Британией, уже появляются признаки грядущей беды.

Жаль, что британцы проголосовали за Брексит, потому что из-за него Европа станет слабее, а их страна беднее. Но европейские чиновники своим поведением все больше напоминают брошенную жену, которая вознамерилась в ходе бракоразводного процесса обобрать мужа до нитки. Это просто безумие. Нравится нам это или нет, но Европе надо будет как-то уживаться с Британией после ее выхода из ЕС, а запугивание Лондона, как это раньше делали с Афинами, ничего не даст, потому что Соединенное Королевство это большая, богатая и гордая страна.

Но вернемся к французским выборам. Нас должна страшить возможность победы Ле Пен. Но вместе с тем, нас должно тревожить то, что в случае победы Макрона Брюссель и Берлин посчитают Брексит аномалией, поверят, что европейских избирателей можно запугать и заставить делать то, что считает необходимым высокое европейское начальство. Поэтому надо сказать прямо: даже если в воскресенье худшего удастся избежать, все, что получит европейская элита, это ограниченный по времени шанс исправить свое поведение.

Что случилось с Европой?

(<http://inosmi.ru/social/20170506/239300708.html>)

06.05.2017

On Sunday France will hold its presidential runoff. Most observers expect Emmanuel Macron, a centrist, to defeat Marine Le Pen, the white nationalist — please, let's stop dignifying this stuff by calling it "populism." And I'm pretty sure that Times rules allow me to state directly that I very much hope the conventional wisdom is right. A Le Pen victory would be a disaster for Europe and the world.

Yet I also think it's fair to ask a couple of questions about what's going on. First, how did things get to this point? Second, would a Le Pen defeat be anything more than a temporary reprieve from the ongoing European crisis?

Some background: Like everyone on this side of the Atlantic, I can't help seeing France in part through Trump-colored glasses. But it's important to realize that the parallels between French and American politics exist despite big differences in underlying economic and social trends.

To begin, while France gets an amazing amount of bad press — much of it coming from ideologues who insist that generous welfare states must have disastrous effects — it's actually a fairly successful economy. Believe it or not, French adults in their prime working years (25 to 54) are substantially more likely than their U.S. counterparts to be gainfully employed.

They're also just about equally productive. It's true that the French over all produce about a quarter less per person than we do — but that's mainly because they take more vacations and retire younger, which are not obviously terrible things.

And while France, like almost everyone, has seen a gradual decline in manufacturing jobs, it never experienced anything quite like the “China shock” that sent U.S. manufacturing employment off a cliff in the early 2000s.

Meanwhile, against the background of this not-great-but-not-terrible economy, France offers a social safety net beyond the wildest dreams of U.S. progressives: guaranteed high-quality health care for all, generous paid leave for new parents, universal pre-K, and much more.

Last but not least, France — perhaps because of these policy differences, perhaps for other reasons — isn't experiencing anything comparable to the social collapse that seems to be afflicting much of white America. Yes, France has big social problems; who doesn't? But it shows little sign of the surge in “deaths of despair” — mortality from drugs, alcohol and suicide — that Anne Case and Angus Deaton have shown to be taking place in the U.S. white working class.

In short, France is hardly a utopia, but by most standards it is offering its citizens a fairly decent life. So why are so many willing to vote for — again, let's not use euphemisms — a racist extremist?

There are, no doubt, multiple reasons, especially cultural anxiety over Islamic immigrants. But it seems clear that votes for Le Pen will in part be votes of protest against what are perceived as the highhanded, out-of-touch officials running the European Union. And that perception unfortunately has an element of truth.

Those of us who watched European institutions deal with the debt crisis that began in Greece and spread across much of Europe were shocked at the combination of callousness and arrogance that prevailed throughout.

Even though Brussels and Berlin were wrong again and again about the economics — even though the austerity they imposed was every bit as economically disastrous as critics warned — they

continued to act as if they knew all the answers, that any suffering along the way was, in effect, necessary punishment for past sins.

Politically, Eurocrats got away with this behavior because small nations were easy to bully, too terrified of being cut off from euro financing to stand up to unreasonable demands. But Europe's elite will be making a terrible mistake if it believes it can behave the same way to bigger players. Indeed, there are already intimations of disaster in the negotiations now taking place between the European Union and Britain.

I wish Britons hadn't voted for Brexit, which will make Europe weaker and their own country poorer. But E.U. officials are sounding more and more like a jilted spouse determined to extract maximum damages in a divorce settlement. And this is just plain insane. Like it or not, Europe will have to live with post-Brexit Britain, and Greece-style bullying just isn't going to work on a nation as big, rich and proud as the U.K.

Which brings me back to the French election. We should be terrified at the possibility of a Le Pen victory. But we should also be worried that a Macron victory will be taken by Brussels and Berlin to mean that Brexit was an aberration, that European voters can always be intimidated into going along with what their betters say is necessary.

So let's be clear: Even if the worst is avoided this Sunday, all the European elite will get is a time-limited chance to mend its ways.

Приложение 6

Are the Russians really preparing for war?

(<https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/10/15/are-the-russians-really-preparing-for-war/>)

Editorial: David Filipov October 15, 2016

Some activities going on in Russia these days might make it seem like the country is genuinely preparing for war. Talk of bunkers and rations; missiles moving around; politicians uttering dire warnings — are these harbingers of a Russian-U.S. conflict?

The Washington Post's Moscow bureau decided to rank the signs to see how likely they suggest that Russia is getting ready to fight.

1. New bomb shelters

A poster appeared in a Moscow neighborhood asking residents to pony up 500 rubles (about \$8) for the construction of a new bomb shelter because of "the expected nuclear attack on [Russia] from unfriendly countries (the USA and its satellites.)"

Does this mean war? Most definitely not. It turned out to be a hoax, probably aimed at bilking pensioners.

2. Emergency bread rations

The governor of St. Petersburg, Russia, has approved a plan to ensure emergency rations of 300 grams of bread for 20 days for each of the city's 5 million residents.

Does this mean war? No. It's more of a publicity stunt. Russian commentators quickly seized on the echo from World War II, when a German army held the city — then called Leningrad — in a stranglehold for 900 days. "That is more than twice as much as the ration during the Siege [of Leningrad]," wrote military analyst Alexander Golts in *Yezhednevny Zhurnal*. "It is also clear why they are reckoning just on 20 days: Given modern weapons, no one will need more."

3. Warmongering politicians

Ultranationalist lawmaker Vladimir Zhirinovsky warned that if America elects Hillary Clinton president, "it's war."

Does this mean war? No. Zhirinovksy, who has vowed to annex Alaska, flatten Poland and the Baltics, and enslave Georgia, made headlines. But his ridiculously misnamed Liberal Democratic Party of Russia controls 39 of the 450 seats in the Russian parliament, and he always votes with the Kremlin. He is a fan of Donald Trump but he's very far from the nuclear button.

4. Hiring a new army

The Russian government approved amendments to a law that allows it to augment its draft army by signing reservists and veterans to six-month paid contracts.

Does this mean war? Most likely not. Golts said that the provision only kicks in "in a period of extraordinary circumstances," such as responding to natural disasters or domestic disturbances. But one circumstance — "to maintain or restore peace and security" — could be interpreted to mean doing it somewhere outside of Russia. "The possibility cannot be ruled out that Moscow is contemplating a major ground operation in Syria," Golts concluded. His logic: The Kremlin has repeatedly promised not to send draftees to fight wars in other countries. That promise wouldn't apply to professional soldiers. For sure, sending troops to Syria, where Russia has already threatened to shoot down U.S. aircraft, could lead to a shooting war. But amending that law is a long way from signing up the soldiers.

5. Missile movements

Russia has moved nuclear-capable missiles to Kaliningrad, a region that borders the Baltic states.

Does this mean war? Not really. The news has stirred fears among some commentators that we are on the brink of nuclear war, and definitely caused concern in the Baltics and Poland, which would be within range of the Iskander missile. Maj. Gen. Igor Konashenkov, a Russian Defense Ministry spokesman, said that one of the missiles was deliberately exposed to a U.S. spy satellite and that the deployment was part of regular training. The foreign minister of Lithuania, which borders Kaliningrad, described the move as a negotiating tactic, albeit an unpleasant one.

Русские готовятся к войне?

(<http://inosmi.ru/military/20161018/238034108.html>)

18.10.2016

Обсуждение бункеров и продовольствия; перемещение ракет; политики, высказывающие страшные предупреждения — это предвестники российско-американского конфликта? В России проводятся мероприятия, которые заставляют думать, будто страна действительно готовится к войне.

Московское бюро газеты «The Washington Post» попыталось расставить по порядку признаки, чтобы проанализировать, насколько велика вероятность того, что Россия готовится к бою.

1. Новые бомбоубежища

В одном из районов Москвы появился плакат, его автор просит жителей отдать по 500 рублей (около \$ 8) на строительство нового бомбоубежища из-за «ожидаемой ядерной агрессии в адрес [России] со стороны недружественных стран (США и его сателлитов)». Признак войны? Определенно нет. Это оказалось фальшивкой, вероятно, направленной на выкачивание денег у пенсионеров.

2. Дополнительная норма хлеба

Губернатор Санкт-Петербурга одобрил план по обеспечению дополнительных 300 граммов хлеба в течение 20 дней для каждого из 5 миллионов жителей города. Признак войны? Нет. Это скорее рекламный трюк. Российские комментаторы быстро ухватились за воспоминания после Второй мировой войны, когда немецкая армия держала в осаде город (тогда Ленинград) в течение 900 дней. «Это вдвое больше, чем норма во время блокады [Ленинграда]», — пишет военный аналитик Александр Гольц в «Ежедневном журнале». «Кроме того, понятно, почему они рассчитывают всего на 20 дней: учитывая современное оружие, больше и не потребуется».

3. Политики, разжигающие военную истерию

Ультранационалист Владимир Жириновский предупредил: если Америка выберет президентом США Хиллари Клинтон, «это будет означать войну». Признак войны? Нет. Жириновский, который поклялся аннексировать Аляску, сравнить с землей Польшу и страны Балтии и поработить Грузию, стремится создавать громкие заголовки. Но его смехотворно названная «Либерально-демократическая партия России» контролирует 39 из 450 мест в российском парламенте, и он всегда голосует согласно указам Кремля. Он поклонник Дональда Трампа, но он очень далек от ядерной кнопки.

4. Набор новой армии

Правительство России одобрило поправки к закону, которые позволяют увеличить состав армии путем подписания шестимесячных оплачиваемых контрактов с резервистами и ветеранами. Признак войны? Скорее всего, нет. Гольц сказал, что положение действительно только на «период чрезвычайных обстоятельств», таких как реагирование на стихийные

бедствия или внутренние беспорядки. Но одно обстоятельство — «поддержание или восстановление мира и безопасности», — можно истолковать, как действия за пределами России. «Нельзя исключать возможность того, что Москва обдумывает развертывание крупной наземной операции в Сирии», — заключил Гольц. Его логика: Кремль неоднократно обещал не отправлять призывников воевать в других странах. Это обещание неприменимо к профессиональным солдатам. Конечно, отправка войск в Сирию, где Россия уже пригрозила сбивать самолеты США, может привести к реальной войне. Но внесение этой поправки не гарантирует немедленной отправки солдат.

5. Передвижения ракет

Россия переместила ракеты с ядерной боевой частью в Калининград, регион, который граничит со странами Балтии. Признак войны? На самом деле, нет. Эта новость вызвала опасения у некоторых комментаторов, они заявили, что мы на грани ядерной войны, и, безусловно, беспокоиться начали страны Балтии и Польша, которые находятся в пределах досягаемости ракеты «Искандер». Генерал-майор Игорь Конашенков, представитель министерства обороны РФ, сказал, что одна из ракет была намеренно подвергнута воздействию спутника-шпиона США, и что развертывание было частью регулярных учений. Министр иностранных дел Литвы, которая граничит с Калининградом, назвал этот ход переговорной тактикой, хотя и довольно неприятной.

Приложение 7

Will Donald Trump be the actual decider in his administration's foreign policy? This one trick will tell you!

https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2016/11/28/will-donald-trump-be-the-actual-decider-in-his-administrations-foreign-policy-this-one-trick-will-tell-you/?utm_term=.574cd0fa9711)

Editorial: Daniel W. Drezner November 28, 2016

Over the Thanksgiving break, I wrote something about how foreign actors will try to navigate American foreign policy when President-elect Donald Trump is tweeting blatant falsities at all hours of the day. But there was a hidden assumption I made in that piece that is worth questioning going forward: Will Trump actually be the decider on American foreign policy?

There are some valid reasons to ask that question. There's the issue of interest — maybe Trump doesn't care that much about foreign affairs not involving beauty pageants. By his own choosing, he hasn't received many intelligence briefings since becoming the president-elect, whereas Vice President-elect Mike Pence has been briefed almost daily. Trump also made it clear during his first week as president-elect that his policy priorities would be domestic in nature.

There's the issue of knowledge. Trump might have a coherent foreign policy worldview, but he doesn't actually know much about world politics. His sit-down with the New York Times last week simply reinforced that image.

There's also the issue of management. On the one hand, there are plenty of reports about how Trump is a micromanager. There are also indications, however, that he wants a decentralized White House structure. There is also the reality-show nature of Trump's waffling over who will be his secretary of state. This will make it particularly difficult for outside observers to parse out his intent — because unlike past presidents, he seems to delight in the feuding and fussing.

When Trump gets around to announcing his secretary of state, a lot of people will proclaim it to be the most important signal yet on the direction of Trump's foreign policy. Don't buy that argument. George W. Bush appointed Colin L. Powell as his first secretary of state, and I think it's safe to conclude that Powell did not really drive American foreign policy. Barack Obama picked Hillary Clinton, but the dirty little secret of the past eight years is that most of American foreign policy was run out of the White House and not Foggy Bottom.

So how will outside observers be able to tell if Trump is actually running American foreign policy? Let me suggest that the ideal bellwether will be the United States' relationship with Russia.

Russia is one of the few areas where Trump was perfectly consistent throughout the campaign. He praised Russian President Vladimir Putin from the outset and refused to join in standard U.S. criticism of him. He rejected intelligence briefings that concluded Russia had played a pivotal role in hacking the Democratic National Committee. After Pence sounded a more hawkish tone on Russia's role in Syria during his vice presidential debate, Trump pushed back again, saying, "He and I haven't spoken, and he and I disagree." McClatchy reports that since he was elected, Trump has talked more with Putin than any other world leader. And here's what he told the New York Times last week:

I would love to be able to get along with Russia and I think they'd like to be able to get along with us. It's in our mutual interest. And I don't go in with any preconceived notion, but I will tell you, I would say — when they used to say, during the campaign, Donald Trump loves Putin, Putin loves Donald Trump, I said, huh, wouldn't it be nice, I'd say this in front of thousands of people, wouldn't it be nice to actually report what they said, wouldn't it be nice if we actually got along with Russia, wouldn't it be nice if we went after ISIS together, which is, by the way, aside from being dangerous, it's very expensive, and ISIS shouldn't have been even allowed to form, and the people will stand up and give me a massive hand. You know they thought it was bad that I was getting along with Putin or that I believe strongly if we can get along with Russia that's a positive thing. It is a great thing that we can get along with not only Russia but that we get along with other countries.

So, in contrast with a lot of other national security issues — like, say, torture — Trump isn't simply echoing what the last person who talked to him thinks about it. This is a rare case of a specific foreign policy where he has fixed and frozen preferences.

Trump's bromance with Putin has some of my colleagues who focus on Russia in a positively giddy mood. If you want to see warmer U.S. relations with Russia, then it would be hard to ask for a more solicitous president than Mr. Trump. And here we get to the question of whether it will matter.

There's the small issue of the other policy principals on Trump's foreign policy team. We already know that Pence is more hawkish on Russia. And here's Trump's possible pick for director of national intelligence on Russia's role in the 2016 campaign:

Then there's Congress. Several key GOP players in Congress have made it pretty clear that they disagree with Trump's approach to Russia. This includes people on Trump's transition team in intelligence. It's worth remembering that when presidents have tried to build warmer relations with the USSR or Russia, Congress has often managed to throw some sanctions sand in the gears (see: Jackson-Vanik, Magnitsky Act).

So pay attention to what happens to U.S. relations with Russia once Trump becomes president. If there really is another attempted reset, then it's a data point in favor of Trump being the foreign policy decider. If he doesn't get his way on this issue, however, then he's going to have a devil of a time redirecting American foreign policy on issues he cares less about.

Действительно ли Дональд Трамп будет в своей администрации творцом внешней политики США?

(<http://inosmi.ru/politic/20161129/238304273.html>)

29.11.2016

Обратите внимание на отношения США с Россией, потому что они являются надежным показателем того, кто именно будет вести внешнюю политику администрации Трампа.

а выходных в честь праздника Дня благодарения я написал статью о том, как иностранные субъекты будут пытаться управлять внешней политикой США, пока избранный президент Дональд Трамп будет непрерывно публиковать в Твиттере очевидную ложь. Однако в той своей статье я выдвинул одно скрытое предположение, над которым действительно стоит задуматься: действительно ли Дональд Трамп будет в своей администрации творцом внешней политики США?

Есть несколько веских причин задать этот вопрос. Это, во-первых, вопрос интересов: возможно, Трампа не слишком волнуют международные отношения, не включающие в себя конкурсы красоты. Трамп по собственному решению не стал знакомиться с множеством разведывательных сводок после того, как его выбрали президентом, тогда как его вице-президент Майк Пенс (Mike Pence), изучает данные разведки практически ежедневно. В первую же неделю после своего избрания Трамп ясно дал понять, что он сосредоточится главным образом на внутренней политике.

Кроме того, есть еще фактор осведомленности. Возможно, Трамп обладает вполне последовательными взглядами на внешнюю политику, но в реальности он мало что знает о мировой политике. Его интервью газете New York Times, которое он дал на прошлой неделе, лишний раз это подчеркивает.

Есть еще вопрос управления. С одной стороны, существует множество свидетельств того, что Трамп стремится лично контролировать каждый шаг. Однако многое также указывает на то,

что он хочет сделать структуру Белого дома менее централизованной. Кроме того, в том, как Трамп уклоняется от ответа на вопрос о своем будущем госсекретаре, есть нечто от реалисти-шоу. Это сильно мешает иностранным наблюдателям прогнозировать намерения Трампа, потому что, в отличие от своих предшественников, он, очевидно, получает огромное удовольствие от шума и споров.

Когда Трамп наконец объявит имя своего будущего госсекретаря, множество людей сразу же назовут это самым важным сигналом того, каким будет направление внешней политики администрации Трампа. Но не спешите прислушиваться к этому аргументу. Джордж Буш-младший назначил своим госсекретарем Колина Пауэлла (Colin L. Powell), но, я думаю, будет справедливым сказать, что Пауэлл на самом деле не определял внешнюю политику США. Барак Обама выбрал Хиллари Клинтон, однако главный секрет прошедших восьми лет заключается в том, что большинство внешнеполитических решений были приняты в Белом доме, а вовсе не в Госдепартаменте.

Итак, как иностранные обозреватели смогут судить о том, действительно ли Трамп будет творцом внешней политики США? Позвольте мне предположить, что лучшим показателем в этом вопросе станут отношения США с Россией.

Отношения с Россией были одним из тех немногих вопросов, в которых Трамп проявил последовательность в ходе своей предвыборной кампании. Он с самого начала очень лестно отзывался о президента Владимире Путине и отвергал уже ставшие традиционными обвинения в его адрес. Он отверг данные разведки, свидетельствующие о том, что именно Россия стояла за хакерскими атаками на компьютерные системы национального совета Демократической партии. После того как во время дебатов вице-президентов Пенс продемонстрировал более жесткую позицию в вопросе о роли России в Сирии, Трамп снова выразил несогласие, сказав: «Мы с ним не обсуждали это, и мы придерживаемся разных точек зрения». Компания McClatchy сообщает, что с момента избрания Трамп разговаривал с Путиным больше, чем с лидером любой другой страны. А в своем интервью New York Times на прошлой неделе он сказал следующее:

Я бы хотел найти общий язык с Россией, а они, как мне кажется, будут рады найти общий язык с нами. Это отвечает нашим общим интересам. И у меня нет заранее сформированного мнения. Я скажу, что, когда во время кампании они говорили, что Дональд Трамп любит Путина, а Путин любит Дональда Трампа, я отвечал, что разве это не прекрасно, я сказал это тысячам человек, разве это будет не прекрасно, если мы вместе будем бороться с ИГИЛ, что не только опасно, кстати, но и очень дорого, и существования ИГИЛ вообще не следовало допускать. Люди бурно аплодировали. Знаете, они думали, что это плохо. Плохо, что я нахожу с Путиным общий язык, что я верю, что если мы договоримся с Россией, то это будет к лучшему. Было бы хорошо договориться не только с Россией, но и с другими странами.

Итак, в противовес его высказываниям по множеству других вопросов, касающихся национальной безопасности — таких как, скажем, пытки — в данном случае Трамп не просто повторяет мысли последнего человека, с которым он обсуждал эти вопросы. Речь идет о конкретной области внешней политики, в которой у него есть вполне конкретные и закрепившиеся предпочтения.

Мужская дружба Трампа и Путина вызывает у некоторых моих коллег, которые пишут о России, приятное головокружение. Если вы хотите добиться потепления в отношениях между США и Россией, тогда вам не найти более подходящего президента, чем Трамп. И тут мы снова сталкиваемся с вопросом о том, будет ли это иметь какое-то значение.

Здесь возникает тема внешнеполитической команды Трампа. Мы уже знаем, что Пенс занимает более жесткую позицию в отношении России. А возможным кандидатом на пост директора Национальной разведки является адмирал Майкл Роджерс (Michael S. Rogers).

Кроме того, не стоит также забывать и о Конгрессе. Несколько влиятельных республиканцев в Конгрессе ясно дали понять, что они не согласны с подходом Трампа к отношениям с Россией. Среди них есть те, кто входит в состав переходной команды Трампа. Стоит также напомнить, что, когда американские президенты пытались налаживать отношения с СССР или Россией, Конгрессу часто удавалось вставлять санкционные палки в колеса (поправка Джексона-Вэника, закон Магнитского).

Таким образом, необходимо следить за тем, что происходит в отношениях США и России, когда Трамп станет президентом. Если действительно будет предпринята новая попытка перезагрузить отношения, это станет свидетельством того что Трамп является творцом внешней политики США. Если же ему не удастся добиться успеха в этом вопросе, тогда ему будет крайне трудно перенаправить внешнюю политику США в тех вопросах, которые волнуют его в меньшей степени.

Приложение 8

Our Putin

(<https://www.nytimes.com/2017/02/18/opinion/sunday/our-putin.html>)

Editorial: Susan B. Glasser FEB. 18, 2017

Don't worry too much about whether Trump and the Russian leader are working together. Worry about what they have in common.

WASHINGTON — On June 18, 2001, I attended Vladimir V. Putin's first meeting with the American news media. We were seated at a large round table in the wood-paneled Kremlin Library. It was still early in Mr. Putin's presidency, and we weren't sure what to expect of this ex-K.G.B. spy

fresh off the famous summit meeting where President George W. Bush had gotten “a sense of his soul” and pronounced him “trustworthy.” After we were kept waiting for what felt like hours, Mr. Putin finally arrived a little after 8 p.m., sat down and took questions until nearly midnight.

When it was my turn, I asked about the brutal war against separatists in the southern province of Chechnya. His long answer makes for striking reading all these years later: It combined media-bashing (we were failing to sufficiently cover atrocities committed by the separatists, he said); anti-Islamic sentiment (“What do you suggest we should do? Talk with them about biblical values?”); and the insistence that he had to attack in Chechnya to keep the rest of Russia safe. As the night went on, he proposed American-Russian operations against the real threat in the world, Islamic terrorists, and proclaimed his patriotic plan to restore the country after the economic reverses of the previous decade.

Sound familiar? Mr. Putin’s slogan back in 2001 might as well have been Make Russia Great Again.

We are four weeks into Donald J. Trump’s presidency, and Mr. Putin, in power 17 years and not going anywhere anytime soon, is everywhere in American politics. A shirtless Mr. Putin is a regular figure of parody on “Saturday Night Live,” portrayed as a character witness (or is that handler?) for the president of the United States. His hackers’ meddling haunted the American general election. A leaked dossier purporting to contain possible Russian blackmail material on Mr. Trump dominated headlines for weeks.

And last week, Russian entanglements resulted in the quick dumping of the national security adviser, Michael T. Flynn (although Mr. Flynn was ultimately cut loose not for his apparent discussion with the Russian ambassador about lifting American sanctions, but for lying about it to the vice president). A day later, news emerged that associates of Mr. Trump had been in contact with Russian intelligence in the year before the election.

Mr. Trump has made clear for months that he doesn’t just admire the Russian president’s macho persona but considers him, as he said during the campaign, more of a “leader” than President Barack Obama. As recently as this month, in a pre-Super Bowl interview on Fox, Mr. Trump refused to condemn Mr. Putin’s repressive government. No surprise then that Mr. Trump’s unseemly embrace of the Russian tough guy has given rise to a million conspiracy theories.

But we no longer have to speculate about conspiracies or engage in armchair psychoanalysis. Since the inauguration, we have accumulated some hard facts, too: Both Mr. Trump’s rhetoric and actions as president bear more than a passing resemblance to those of Mr. Putin during his first years consolidating power. Having spent those years in Moscow as a foreign correspondent — and the rest of my career as a journalist in Washington in four previous presidencies — I can tell you the similarities are striking enough that they should not be easily dismissed.

Of course, in personality these two are very different: Mr. Trump is impulsive where Mr. Putin is controlled, with temper tantrums and public rants contrasting with the Russian’s cold calculation and memorized briefing books. But their oddly similar political views and approach to running their (very different) countries may turn out to be just as important as the Russia-related scandals now erupting around Mr. Trump. You don’t have to think he is some kind of agent of Russia to worry about the course he’s taking us down.

The media-bashing and outrageous statements. The attacks on rival power centers, whether stubborn federal judges or corporations refusing to get in line. The warnings, some of them downright panic-inducing, that the country is not safe — and we must go to war with Islamic extremists because they are threatening our way of life. These are the techniques that Mr. Putin used

to great effect in his first years in power, and they are very much the same tactics and clash-of-civilizations ideology being deployed by Mr. Trump today.

Early Putin was positively Trumpian, his presidency a blitz of convention-defying that conjured up the image of a leader on the march after President Boris Yeltsin's drunken stumbles and the economic uncertainties of the late 1990s. He had the state take over the first independent national TV network, he turned the state Duma into a pocket parliament, he went after uppity oligarchs. He said things that politicians didn't normally say, like vowing to rub out the Chechen opposition "in the outhouse" and threatening to castrate a French reporter who asked a question he didn't like.

Despite the evidence, Kremlin watchers in the early 2000s took a long time to see Mr. Putin for the autocrat he would become. At the time, many people believed Russia, after the turmoil of the Soviet Union's dissolution, was finally headed for a few decades of stability. Where some, correctly, saw a hard-line former K.G.B. spy determined to restore a strong state, others persisted in seeing a would-be Western-style reformer. "Who is Mr. Putin?" a foreign reporter famously asked early in his tenure.

In retrospect, the best guide to his actions should have been his statements. Mr. Putin did exactly what he said he would do. I've thought a lot about that over the last year, as Americans have puzzled over Mr. Trump's surprising rise, and whether he really means all those outrageous things he says and plans to follow through with the policy shifts he promises.

Like Mr. Trump's Make America Great Again slogan today, Mr. Putin's version of making Russia great again wasn't particularly ideological, but its gauzy patriotic nationalism basically summed up the Putin plan for making a weakened and demoralized superpower feel better about itself. Mr. Putin considered the 1991 breakup of the Soviet Union "the greatest geopolitical catastrophe" of the 20th century, and even if we Americans didn't always understand what he was up to, he never deviated from his real goal: consolidating authority in the Kremlin.

This may be precisely what Mr. Trump admires the most about Mr. Putin. In a March 1990 interview with *Playboy*, Mr. Trump, who had been hoping to build a luxury hotel in Moscow, described his impression of the last days of the Soviet Union under Mikhail Gorbachev. "Russia is out of control and the leadership knows it," the future American president said. "That's my problem with Gorbachev. Not a firm enough hand."

Mr. Putin's hand has clearly been much tougher. Despite all the apparent reverses, confusion, corruption, lies and economic setbacks in Russia, he remains in control 17 years after his unbelievably unlikely ascent from obscure K.G.B. lieutenant colonel to president of Russia. And that, too, may be part of what Mr. Trump, another unlikely president still so insecure about his rise to the White House that he constantly brings up his election, sees in Mr. Putin and authoritarian rulers like him. He views them as tough guys who speak of strength more than freedom and often seem to judge their success by their own ability to stay in power.

I recently asked Bob Corker, the chairman of the Senate Foreign Relations Committee, why he thinks Mr. Trump has such apparent affinity for Mr. Putin. He shook his head. "I do think there is a degree of admiration for a strongman, I'm sorry," he said. His other theory was that Mr. Trump sees himself as a sort of superhero who would forge a strong bond with Mr. Putin "to show he has the ability to do things that no other president has been able to do."

And this is a Republican who hopes to do business with the Trump administration.

America is not burdened with the history of tyranny and totalitarianism that haunts Russia. We have a 229-year record of success with constitutional democracy that should long outlive the Trump era.

And while the trappings and powers attached to the “imperial presidency” Mr. Trump now wields have been growing ever since the historian Arthur M. Schlesinger Jr. popularized that phrase during the Nixon era, we also have robust counterbalancing institutions, like a free and independent press and a federal judiciary, that are already demonstrating a deep resistance to the kind of political steamroller techniques that Mr. Putin deployed so effectively in Russia.

Still, as I report from Washington now, it’s hard not to worry. When I moved to Moscow the year Mr. Putin became president, it was only a decade after the Soviet Union’s collapse. Many Russians still hoped their country would become more like the Western countries they had so recently been barred from even visiting. For all the popularity of Mr. Putin’s battle against what he belittled as the chaotic freedoms of the 1990s, I met many people in Russia who yearned for the time when they would take their place at the table of “normal,” stable democracies.

Who would have thought that, 17 years later, the question is not about Russia’s no-longer-existing democracy, but America’s?

Наш Путин

(<http://inosmi.ru/politic/20170220/238753081.html>)

20.02.2017

Вашингтон — 18 июня 2001 года я присутствовала на первой встрече Владимира Путина с американскими журналистами. Мы сидели за большим круглым столом в одном из залов кремлевской библиотеки. Путин только недавно вступил в должность президента, и мы пока еще не знали, чего можно ожидать от бывшего агента КГБ, недавно принявшего участие в саммите с Джорджем Бушем-мл., который «заглянул ему в душу» и назвал российского лидера «заслуживающим доверия». Прождав несколько часов, мы наконец увидели г-на Путина, который зашел в зал немногим позже 8 вечера, сел за стол и начал отвечать на вопросы. Встреча закончилась только около полуночи.

Когда очередь дошла до меня, я задала вопрос о жестокой войне с сепаратистами в Чечне. Его длинный и многословный ответ стоит того, чтобы еще раз проанализировать его сейчас, спустя много лет: в нем сочетались критика в адрес СМИ (по его словам, мы не могли должным образом рассказать о тех жестоких преступлениях, которые совершали сепаратисты), антиисламские настроения («Что вы предлагаете нам сделать? Поговорить с ними о библейских ценностях?») и акцент на том, что ему пришлось начать атаку в Чечне, чтобы защитить остальную Россию. Позже тем вечером он предложил проводить совместные российско-американские операции против серьезной угрозы, а именно исламских террористов, и объявил о своем патриотическом плане по восстановлению России после экономических потрясений предыдущего десятилетия.

Звучит знакомо? Тогда, в 2001 году, лозунгом г-на Путина вполне мог стать лозунг «Сделаем Россию снова великой».

Прошло уже четыре недели работы администрации Дональда Трампа, и г-н Путин, который находится у власти уже 17 лет и не собирается из нее уходить в ближайшее время, является одной из главных тем американской политики. Г-н Путин без рубашки постоянно становится персонажем пародий в программе *Saturday Night Live*, в которых он зачастую появляется

вместе с президентом США. Вмешательство его хакеров омрачило ход президентских выборов в США. А новости о том, что у России есть компромат на г-на Трампа, долгое время не покидали заголовки ведущих изданий.

На прошлой неделе эта «история с Россией» обернулась поспешной отставкой советника президента по вопросам национальной безопасности Майкла Флинна (Michael T. Flynn), хотя г-на Флинна обвиняли не столько в том, что он обсуждал вопрос снятия санкций с российским послом, сколько в том, что он не сообщил об этом вице-президенту. Спустя день в СМИ появились сообщения о том, что помощники г-на Трампа поддерживали контакты с российской разведкой в течение целого года до президентских выборов в США.

Ранее г-н Трамп ясно дал понять, что он не только восхищается мужественным образом российского президента, но и считает его гораздо более достойным звания «лидера», чем президента Барака Обаму. В феврале в своем интервью каналу **Fox** г-н Трамп оказался подвергнут критике репрессивный стиль управления г-на Путина. В связи с этим неудивительно, что такая неуместная симпатия г-на Трампа по отношению к российскому лидеру породила миллион теорий заговора.

Однако нам больше не нужно размышлять о возможных заговорах и подвергать происходящее тщательному психоанализу. После инаугурации мы сумели собрать ряд неоспоримых фактов: риторика и действия г-на Трампа в качестве президента очень похожи на риторику и действия г-на Путина в первые годы его президентства, когда он занимался консолидацией власти. Поскольку я провела те годы в Москве в качестве иностранного корреспондента, я могу с уверенностью сказать, что сходство настолько очевидно, что его попросту нельзя игнорировать. Разумеется, в личностном плане лидеры США и России очень отличаются друг от друга. Г-н Трамп импульсивен, а г-н Путин очень сдержан, внезапные перемены настроения и публичные тирады резко контрастируют с холодным расчетом и умением запоминать информационные бюллетени во всех подробностях. Однако их до странного похожие политические взгляды и подходы к управлению их (совершенно разными) странами могут оказаться таким же важным фактором, как и те связанные с Россией скандалы, которые теперь разворачиваются вокруг г-на Трампа. Не нужно считать его каким-то агентом России, чтобы волноваться по поводу того курса, по которому он нас поведет.

Резкая критика в адрес СМИ и оскорбительные высказывания. Нападки на другие органы власти и влияния, будь то федеральные судьи или корпорации, отказывающиеся ему подчиняться. Предупреждения — некоторые из них способны вызвать настоящую панику — о том, что страна находится в опасности и что мы должны отправиться на войну с исламистскими экстремистами, потому что они угрожают нашему образу жизни. Именно этими приемами г-н Путин воспользовался в первые годы своего президентства. Именно

такой тактикой и идеологией, основанной на образе столкновения цивилизаций, пользуется г-н Трамп сейчас.

В начале своего президентства г-н Путин был очень похож на г-на Трампа: он смело бросал вызов традициям и сложившемуся порядку, что обеспечило ему образ сильного лидера в народе, уставшем от ошибок Бориса Ельцина и экономических проблем конца 1990-х годов. Г-н Путин захватил первый независимый национальный телеканал, превратил Государственную Думу в карманный парламент, начал охоту на дерзких олигархов. Он говорил такие вещи, которые политики обычно не говорят: он обещал «замочить» чеченских оппозиционеров «в сортирах» и угрожал кастрировать французского репортера, задавшего вопрос, который ему не понравился.

Несмотря на массу признаков, наблюдателям Кремля в начале 2000-х годов потребовалось много времени, чтобы разглядеть в г-не Путине будущего автократа. Между тем многие верили, что после периода смуты, возникшей в связи с распадом СССР, Россия, наконец, уверенно движется по направлению к стабильности. Там, где некоторые вполне обоснованно усматривали консервативного бывшего агента КГБ, решительно настроенного восстановить сильное государство, другие упорно видели будущего реформатора по западному образцу.

Оглядываясь назад, можно сказать, что лучшим ориентиром в попытках спрогнозировать его действия были его заявления. Г-н Путин делал именно то, о чем он говорил. В прошлом году я много об этом думала, пока американцы пытались объяснить неожиданный подъем г-на Трампа и понять, действительно ли он думает то, о чем говорит, и планирует ли он выполнить свои обещания.

Подобно лозунгу г-на Трампа «Сделаем Америку снова великой» сегодня, путинская версия восстановления величия России не имела под собой какой-либо мощной идеологической подоплеки, однако ее патриотический, националистический импульс во всей полноте отражал план г-на Путина, который хотел, чтобы ослабленная и деморализованная страна начала лучше к себе относиться. Г-н Путин считает распад СССР в 1991 году «величайшей геополитической катастрофой» 20 столетия, и, даже если мы, американцы, не всегда понимали, к чему он стремится, сам он никогда не отступал от своей истинной цели, которая заключается в консолидации власти в Кремле.

Возможно, именно это и восхищает г-на Трампа в г-не Путине больше всего. В своем интервью журналу Playboy, которое он дал в марте 1990 года, г-н Трамп, который в то время надеялся построить роскошный отель в Москве, поделился своими впечатлениями о последних днях существования Советского Союза при Михаиле Горбачеве. «Россия вышла из-под контроля, и власти это знают, — сказал тогда будущий американский президент. — В этом и заключается проблема Горбачева. У него недостаточно твердая рука».

Рука г-на Путина, очевидно, оказалась гораздо более твердой. Несмотря на множество очевидных проблем, смятение, коррупцию, ложь и экономические провалы, он находится у власти уже 17 лет, сумев превратиться из никому не известного офицера КГБ в президента России. И это тоже может быть частью того, что г-н Трамп — еще один случайно попавший во власть президент, чьи позиции в Белом доме пока еще очень шатки — видит в г-не Путине

и других авторитарных правителях. Он видит в них крепких лидеров, которые говорят о силе чаще, чем о свободе, и зачастую оценивают свою успешность по своей способности удержаться во власти.

Я недавно спросила Боба Коркера (Bob Corker), председателя комитета Сената по международным отношениям, почему, по его мнению, г-н Трамп испытывает такую очевидную симпатию к г-ну Путину. «Я считаю, что здесь имеет место восхищение перед сильным лидером», — ответил он. Другая его теория заключается в том, что г-н Трамп считает себя своеобразным супергероем, который установит крепкую связь с г-ном Путиным, «чтобы доказать, что он способен делать такие вещи, которые были не под силу другим президентам».

И это слова республиканца, который надеется вести дела с администрацией Трампа.

Америка не обременена историей тирании и тоталитаризма, которая преследует Россию. За нашими плечами 229 лет успеха конституционной демократии, который переживет эпоху Трампа. И хотя внешние атрибуты и полномочия, сопровождающие «имперское президентство», которое сейчас осуществляет г-н Трамп, продолжали расти с того момента, как историк Артур Шлезингер-мл. (Arthur M. Schlesinger Jr.) преложил этот термин в эпоху Никсона, у нас также есть сильные уравновешивающие институты, такие как свободная и независимая пресса и федеральные суды, которые уже демонстрируют мощное сопротивление тем приемам и тактике, которые г-н Путин эффективно применял в России.

Тем не менее, сейчас довольно трудно сохранять спокойствие. Когда я переехала в Москву в первый год президентства г-на Путина, с момента распада СССР прошло всего 10 лет. Многие россияне все еще надеялись, что их страна станет похожа на те западные государства, в которые им совсем недавно еще нельзя было ездить. Несмотря на всю популярность борьбы г-на Путина с тем, что он назвал хаотичными свободами 1990-х годов, в России я встречала множество людей, которые надеялись, что когда-нибудь их страна займет достойное место среди «нормальных», стабильных демократий.

Кто мог подумать, что спустя 17 лет вопрос о будущем демократии будет подниматься уже не в России, а в Америке?

Приложение 9

CZAR VLAD'S TOLERANT TYRANNY

(<http://nypost.com/2009/02/06/czar-vlads-tolerant-tyranny>)

Editorial: Ralph Peters February 6, 2009

WHILE Western leaders remain mired in 20th-century thinking, Prime Minister Vladimir Putin of Russia has reinvented dictatorship for a new century. The new czar's creation is *tolerant totalitarianism*.

Putin's one brilliant insight – a revolution in political thought – is that the dictators of the past, whether ideologues or religious fanatics, didn't know where to stop. The Stalins and the Maos, the Calvins and Khomeinis, all insisted on prying into the private sphere.

Czar Vladimir grasped that a post-modern dictatorship needs to make only a single compromise to prosper: It has to halt at the front door.

We Americans inherited a unique tradition from England, the belief in the freedom of the public space. But most human beings – not least, Russians – are content with the right to do or say what they want behind closed doors, among family and friends.

The obsession with controlling the private sphere weakened past dictatorships (just as it sabotaged al Qaeda in Iraq). The iconic novel of the last century, George Orwell's "1984," captured the corrosive effects of the state's intrusion into each last corner of private life: Even if effective as a means of control, such bullying makes the citizen an enemy.

Putin got it. He grasped that kitchen-table complaints and bedroom rebellions, far from being a threat to state power, are essential means for citizens to let off steam. So he formed a compact with his people: "I get the political power, you get material progress and *social* freedoms. Behave in the streets, and I'll stay out of your sheets."

This was a move of genius. The Putin model – *tolerant totalitarianism* – gave the dying command-state a new lease on life. The new czar saw that most human beings don't care who governs them, as long as the government minds its own business. And if the ruler can revive the illusion of national power, so much the better.

Shamelessly cynical, Putin goes through the stage-managed forms of democracy. He even permits scripted media criticism of the state (though not of himself).

But there are limits to the new totalitarianism's tolerance. You can call Putin a baboon-butt monkey-boy over the vodka bottle at your kitchen table – but *don't* do it in public.

Cross that line and you are, literally, dead. A deal's a deal.

The breathtaking lack of response from the West as the Putin regime murders uncooperative journalists, human-rights activists, defense lawyers, regime apostates and even foreign critics is a glorious gift to Czar Vladimir. His security services are *permitted* to murder ex-pats in Vienna or London. Even an assassination attempt on an American critic in the Washington, DC, area got swept under the diplomatic rug with remarkable speed.

Putin's starting to look like a slicker version of Saddam Hussein, with sharper targeting skills (and Vlad really *does* have weapons of mass destruction). As a result of the West's cowardice, his ambitions are soaring: The most-predictable geopolitical event of 2009 is an assassination attempt on Georgia's president, Mikhail Saakashvili, by a "Georgian patriot."

Working through the traitorous Ukrainian power-broker Yulia Timoshenko, Putin's also going to do all he can to "reunite" Ukraine and Russia. And he'll continue to use natural gas as a strategic

weapon, while Europe boldly responds, *Oh, dear. . . One really ought not to do that . . . Really, one oughtn't. . .*”

A friend who's gotten up close to Putin sees the dictator as a mere *chinovnik* – a petty bureaucrat promoted above his station. But that view misses the elementary human reality that greatness and pettiness, courage and cravenness, brilliance and banality, can all be attributes of the same individual.

As I've pointed out in the past, Putin *does* have two weaknesses: his temper, which leads the ice-man to attack his neighbors in fits of pique, and economic illiteracy.

The one-two punch of the oil-price collapse and a global depression is limiting Putin's ability to keep up his half of the “other New Deal” by improving Russia's quality of life. A serious outburst of unrest could fire his temper and wreck his political Ponzi scheme.

Yet protests to date have been minor and managed. Developments could go a number of ways as the Russian economy crumbles.

But whether Putin continues to reign for decades or falls in an orgy of Russian self-destructiveness, his intellectual legacy will endure: the dictatorship that stops at the front door.

Царь Владимир и его 'толерантная тирания'

(<http://inosmi.ru/russia/20090210/247365.html>)

10.02.2009

Если западные лидеры все еще остаются в плену менталитета прошлого века, то российский премьер Владимир Путин уже создал концепцию диктатуры 21 столетия. Творение современного царя называется 'толерантная тирания'.

Блестящее открытие Путина - оно производит настоящую революцию в политическом мышлении - заключается в следующем: диктаторы прошлого, будь то светские идеологи или религиозные фанатики, не понимали, где нужно остановиться. Все эти Сталины и Мао, Кальвины и Хомейни пытались распространить контроль государства на частную жизнь людей. Царь Владимир пришел к выводу: чтобы обеспечить себе процветание, диктатура постиндустриальной эпохи должна пойти на компромисс в одном: остановиться у двери частного жилища.

Мы, американцы, унаследовали от англичан уникальную традицию - убежденность в том, что публичное пространство должно быть свободно. Однако большинству народов мира - и не в последнюю очередь русским - достаточно права делать и говорить все, что захочется, за закрытыми дверьми, в кругу семьи и друзей. Помешательство на контроле над частной жизнью подрывало позиции диктаторов прошлого (кстати, та же участь постигла и 'Аль-Каиду' в Ираке). В культовом романе прошедшего века - '1984' Джорджа Оруэлла - отлично показаны тлетворные последствия вторжения государства во все уголки частной жизни: даже если это обеспечивает эффективный контроль власти над обществом, подобная бесцеремонность превращает гражданина в ее врага.

Путин это понял. Он осознал, что 'ворчание на кухне' и 'бунт в спальне' не только не представляет угрозы для власти государства, но и превращается в отличный способ, позволяющий гражданам 'выпустить пар'. Поэтому он заключил с народом сделку: 'Я получаю политическую власть, а вы - рост уровня жизни и социальные права. Вы ведете себя прилично на улице, а я не лезу к вам под одеяло'.

Гениальный ход - ничего не скажешь! Путинская модель 'толерантного тоталитаризма' вдохнула новую жизнь в умирающую административно-командную систему. Новый царь знает: большинству людей попросту наплевать, кто ими правит, пока государство не лезет в их дела. А если правитель сможет возродить иллюзию державного могущества, это только поможет делу.

Путин с откровенным цинизмом внедряет различные формы 'управляемой демократии'. Он даже позволяет СМИ - после предварительного согласования, конечно - критиковать государство (но не себя самого). Однако толерантность 'тоталитаризма нового типа' небеспредельна. На кухне за бутылкой водки можете ругать Путина на все корки - но не вздумайте делать этого публично. Стоит перейти эту границу, и вы труп - в буквальном смысле. А вы как думали? Уговор дороже денег.

Ошеломляющее отсутствие реакции Запада на убийства путинским режимом несговорчивых журналистов, правозащитников, адвокатов, 'ренегатов' из представителей самого режима, и даже зарубежных критиков - отличный подарок царю Владимиру. Его спецслужбам позволено спокойно 'ликвидировать' иммигрантов в Лондоне и Вене. Даже покушение на критика-американца в пригороде Вашингтона было с завидной скоростью упрятано под дипломатическим ковром.

Путин начинает напоминать Саддама Хусейна - только куда более хитроумного и гораздо лучше умеющего выбирать объекты для нападения (кроме того, у Влада вне всяких сомнений есть оружие массового поражения). Благодаря трусости Запада его амбиции растут как на дрожжах: самым предсказуемым геополитическим событием 2009 г. следует считать покушение какого-нибудь 'грузинского патриота' на президента Михаила Саакашвили.

Кроме того, Путин, с помощью двуличной и властолюбивой конъюнктурщицы Юлии Тимошенко, сделает все, что в его силах, для 'воссоединения' Украины с Россией. И уж конечно, он и дальше будет использовать газовые ресурсы как стратегическое оружие, выслушивая в ответ 'смелые' возражения европейцев: 'Ну, пожалуйста. . . Не надо так. . . Все-таки это не совсем правильно. . .'.

Один мой друг, наблюдавший Путина с близкого расстояния, считает, что российский диктатор - не более чем мелкий чиновник, возвысившийся не по заслугам. Но эта точка зрения не учитывает элементарного факта нашей жизни: в одном человеке вполне могут уживаться мелочность и величие, смелость и малодушие, гений и банальность.

Как я уже отмечал раньше, у Путина есть два недостатка: вспыльчивость, побуждающая этого 'ледяного человека' нападать на соседей в порыве раздражения, и экономическая безграмотность.

'Двойной удар' в виде падения нефтяных цен и общемировой депрессии ограничивает способность Путина выполнять свои обещания в рамках 'нового курса наоборот' - т.е. обеспечивать улучшение качества жизни россиян. А серьезная вспышка недовольства может вывести его из себя, и обрушить построенную им политическую 'пирамиду'.

Пока, однако, акции протеста невелики по масштабу и поддаются обузданию. По мере краха российской экономики события могут развиваться по ряду различных сценариев.

Впрочем, независимо от того, останется Путин у власти еще на десятки лет или канет в водовороте чисто русской оргии саморазрушения, его концептуальное наследие - диктатура, не перешагивающая порог вашего дома - останется с нами.

Приложение 10

Vladimir Putin is bringing back the 1930s

(https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/vladimir-putin-is-bringing-back-the-1930s/2016/10/07/0d91a1c8-8c0a-11e6-875e-2c1bfe943b66_story.html?utm_term=.6a6c77d30ce4)

Editorial: George F. Will Opinion writer October 7, 2016

Vladimir Putin's serial humiliations of America's bewildered secretary of state regarding Syria indicate Putin's determination to destabilize the world. Here is an even more ominous indication of events moving his way: On just one day last week, Italian ships plucked 6,055 migrants from the Mediterranean.

What has this to do with Putin? It portends fulfillment of his aspiration for Europe's political, social and moral disorientation.

The Financial Times reports that of the 138,000 migrants who have come by sea to Italy this year, few are from Syria. The "vast majority" are from Africa, with the largest number from Nigeria. The United Nations' World Population Prospects says that only 10 percent of global population is in Europe, which is projected to have fewer people in 2050 than today. Just 16 percent of the world's population is in Africa, but "more than half of global population growth between now and 2050 is expected to occur" there. It will have the world's highest growth rate, and 41 percent of its people currently are under 15. Of the nine countries expected to experience half the world's population growth by 2050, five are in Africa (Nigeria, Congo, Ethiopia, Tanzania, Uganda). Nigeria's population, currently the world's seventh largest, is the most rapidly growing.

Even without what is likely — population pressures producing some failed African states — a portion of Africa's multitudes, perhaps scores of millions of migrants, might cross the Mediterranean to Europe. There, 24 percent of the people are 60 and over, and no country has a birthrate sufficient to maintain current population sizes. Who but immigrants can work and fund Europe's welfare states for its graying publics?

Europe has recently been politically destabilized and socially convulsed by the arrival of a million Syrian migrants seeking asylum. Future migrations from Africa, with a large Muslim component, could pose the greatest threat to the social cohesion of Europe since 1945, or even since invading Arab forces were halted at Poitiers in 732.

Undermining the West's confident sense of itself is important to Putin's implementation of his ideology of Eurasianism. It holds that Russia's security and greatness depend on what Ben Judah calls a "geographically ordained empire" that "looks east to Tashkent, not west to Paris."

Writing in the British journal *Standpoint*, Judah reports that Russian television relentlessly presents "a dangerous, angry wonderland": "Russia is special, Russia is under attack, Russia swarms with traitors, Russia was betrayed in 1991, Russia was glorious under Stalin's steady hand." This justifies gigantic military, intelligence and police establishments steeped in Eurasianist tracts published by the Russian General Staff.

Putin's Russia, writes Owen Matthews in the *Spectator*, is developing a "state-sponsored culture of prudery" to make it a "moral fortress" against Western decadence. The Russian Orthodox Church benefits from a 2013 law that criminalizes "offending the feelings of religious believers." Twenty-one percent of Russians want homosexuals "liquidated," and 37 percent favor "separating them from society."

In a collection of essays, "Authoritarianism Goes Global" (Johns Hopkins), the Brookings Institution's Lilia Shevtsova says Putin is simultaneously imposing a domestic revolution of cultural conservatism, converting Russia into a revanchist power and "forging an anti-Western International." She warns:

"Ever since Stalinism's relentless assault on all 'horizontal' ties (even those of family), Russians have been tragically at the mercy of the state and its claims: Individuals are invited to compensate for their helplessness by looking for meaning in collective national 'successes' that promise to bring them together and restore their pride." Such as the annexation of Crimea.

In the same volume, Peter Pomerantsev, a student of 21st-century propaganda, says "the underlying goal" of Putin's domestic disinformation is less to persuade than "to engender cynicism": "When people stop trusting any institutions or having any firmly held values, they can easily accept a conspiratorial vision of the world." Putin's Kremlin is weaving a web of incongruous but useful strands. Its conservative nationalism is congruent with that of rising European factions on the right. Its anti-Western, especially anti-American, message resonates with the European left. It funds European green groups whose opposition to fracking serves Putin's agenda of keeping Europe dependent on Russian gas.

In many worrisome ways, the 1930s are being reprised. In Europe, Russia is playing the role of Germany in fomenting anti-democratic factions. In inward-turning, distracted America, the role of Charles Lindbergh is played by a presidential candidate smitten by Putin and too ignorant to know the pedigree of his slogan "America First."

Путин возвращает 1930-е годы

(<http://inosmi.ru/politic/20161009/237993146.html>)

09.10.2016

Те унижения, через которые Владимир Путин заставляет проходить сбитого с толку госсекретаря США в связи с сирийским конфликтом, доказывают, что президент России решительно намерен дестабилизировать ситуацию в мире. Совсем недавно произошло еще

одно событие, свидетельствующее о том, что его план работает: несколько дней назад в Средиземном море береговая охрана Италии спасла 6055 мигрантов.

Какое отношение все это имеет к Путину? Все это указывает на то, что он уверенно приближается к своей цели, заключающейся в политической, социальной и моральной дезориентации Европы.

Как сообщает издание *Financial Times*, из 138 тысяч мигрантов, которые прибыли по морю в Италию в этом году, лишь немногие являются уроженцами Сирии. «Подавляющее большинство» мигрантов — выходцы из Африки, в основном из Нигерии. Согласно данным World Population Prospects ООН, в Европе проживает всего 10% мирового населения, и к 2050 году численность европейского населения уменьшится. Всего 16% мирового населения проживает в Африке, но именно на Африку, как ожидается, «придется более половины прироста мирового населения с текущего момента до 2050 года». Именно в Африке будут наблюдаться самые высокие темпы прироста населения, и в настоящий момент 41% ее жителей — это подростки в возрасте до 15 лет. Из девяти стран, которые, как ожидается, дадут в сумме половину прироста мирового населения к 2050 году, пять расположены в Африке (Нигерия, Конго, Эфиопия, Танзания и Уганда). Население Нигерии, которая по численности занимает седьмое место в мире, является самым быстрорастущим на планете.

Даже в отсутствие негативных факторов стремительный рост населения может сделать некоторые африканские государства недееспособными, часть жителей этого континента — десятки миллионов мигрантов — могут двинуться через Средиземное море в Европу. В Европе, между тем, 24% населения — это люди в возрасте 60 лет и старше, и ни в одной европейской стране нет такого уровня рождаемости, который позволил бы ей сохранить нынешнюю численность населения. Кто, кроме мигрантов, сможет работать, обеспечивая социальные системы европейских государств средствами, необходимыми для поддержки их стареющего населения?

Прибытие миллиона сирийских мигрантов, ищущих убежища, в Европу привело к ее политической и социальной дестабилизации. Будущие волны миграции из Африки, в первую очередь африканских мусульман, могут стать самой серьезной угрозой для социальной сплоченности Европы с 1945 года или даже с момента Битвы при Пуатье в 732 году.

Подрыв уверенности Европы в своих силах является важным компонентом, необходимым для реализации путинской идеологии евразийства. Согласно этой идеологии, безопасность и величие России зависит от того, что Бен Джуда (Ben Judah) называет «географически предопределенной империей», которая «обращена на восток, к Ташкенту, а не на запад, к Парижу».

В британском журнале *Standpoint* Джуда пишет о том, что российское телевидение неустанно навязывает «опасную, агрессивную сказку»: «Россия — уникальная страна, Россия подвергается нападкам, Россия кишит предателями, Россию предали в 1991 году, Россия была великой державой при жестком режиме Сталина». Все это оправдывает существование гигантских военных, разведывательных и полицейских аппаратов, призванных обеспечивать воплощение идеологии евразийства в жизнь.

В путинской России, пишет Оуэн Мэтьюз (Owen Matthews) в издании *Spectator*, навязывается «поддерживаемая государством культура напускной скромности», чтобы сделать из нее воплощение «нравственной крепости», защищающей от западного морального упадка. Русская православная церковь извлекает выгоду из принятого в 2013 году закона, который запрещает «оскорблять чувства верующих». 21% россиян хотят, чтобы всех гомосексуалистов «ликвидировали», а 37% считают, что их необходимо «изолировать от общества».

В сборнике эссе «Авторитаризм покоряет мир» (Authoritarianism Goes Global) Лилия Шевцова из Брукингского института пишет, что Путин одновременно проводит внутреннюю революцию культурного консерватизма, превращая Россию в реваншистскую державу, и «формирует антизападный интернационал». Она предупреждает:

«С момента наступления Сталина на все “горизонтальные” связи (в том числе на семейные связи) россияне, к большому сожалению, были беспомощными перед государством и его требованиями: люди были вынуждены компенсировать свою беспомощность поисками смысла в коллективных национальных “успехах”, которые обещали сплотить их и восстановить их гордость». Вспомните аннексию Крыма.

В том же сборнике Питер Померанцев (Peter Pomerantsev), изучающий особенности пропаганды 21 века, пишет, что главная цель внутренней пропагандистской кампании Путина заключается не столько в том, чтобы в чем-то убедить, сколько в том, чтобы «породить цинизм»: «Когда люди перестают доверять любым институтам или утрачивают твердые ценности, они с легкостью принимают конспирологический взгляд на мир». Кремль Путина плетет паутину из несочетающихся, но очень полезных нитей. Его консервативный национализм совпадает с мировоззрением набирающих вес европейских правых партий. Его антизападные и в первую очередь антиамериканские сигналы находят отклик у левых партий Европы. Кремль даже финансирует европейские партии защитников природы, чье противостояние применению технологии гидроразрыва помогает Путину держать Европу в зависимости от российского газа.

Сейчас мы наблюдаем множество тревожных черт 1930-х годов. В Европе Россия взяла на себя роль Германии, поддерживая антидемократические партии. В обратившейся внутрь себя Америке роль Чарльза Линдберга (Charles Lindbergh) исполняет кандидат в президенты,

очарованный Путиным и слишком невежественный для того, чтобы знать происхождение своего лозунга «Америка в первую очередь».